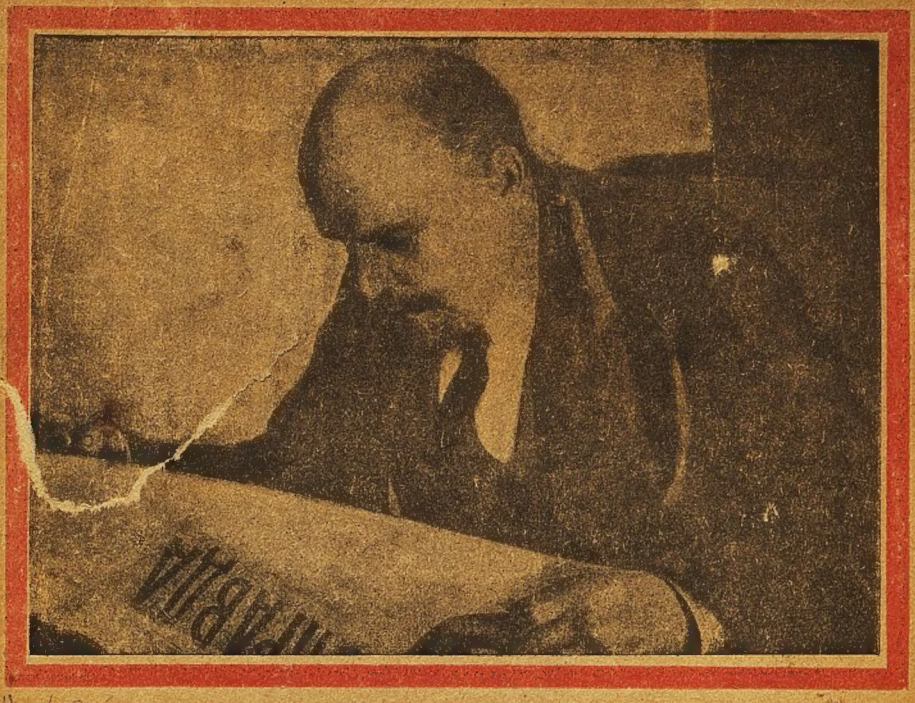


ВА 465
А 575

ЛЕНИН
И
ОКТЯБРЬСКИЙ ПЕРЕВОРОТ

КАК ЖИЛ И РАБОТАЛ И ЧТО ПИСАЛ В. И. ЛЕНИН НАКАНУНЕ ОКТЯБРЯ И В ОКТЯБРЬСКИЕ ДНИ.

„ЗАККНИГА"
ЗАКАВКАЗСКОЕ КНИЖНОЕ
КООПЕРАТИВНОЕ ТОВАРИЩЕСТВО

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛЕНИН
И
ОКТЯБРЬСКИЙ ПЕРЕВОРОТ

КАК ЖИЛ И РАБОТАЛ И
ЧТО ПИСАЛ В. И. ЛЕНИН
НАКАНУНЕ ОКТЯБРЯ И
В ОКТЯБРЬСКИЕ ДНИ.

„ЗАККНИГА"
ЗАКАВКАЗСКОЕ КНИЖНОЕ
КООПЕРАТИВНОЕ ТОВАРИЩЕСТВО
ТИФЛИС — 1924.

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2010

ЕД465
Л375

Библиотека ин-та
Марксизма-Ленинизма
при ЦК КПСС
740696

КЛИШЕ ИЗГОТОВЛЕНО ЦИНКОГРАФ.
ПРИ ТИПО-ЛИТ. ЗКВ. Ж.Д.
ПЕЧАТЬ И БРОШЮРОВ.
ТИПО-ЛИТ. З.Ж.Д.

6057
567-1140
36

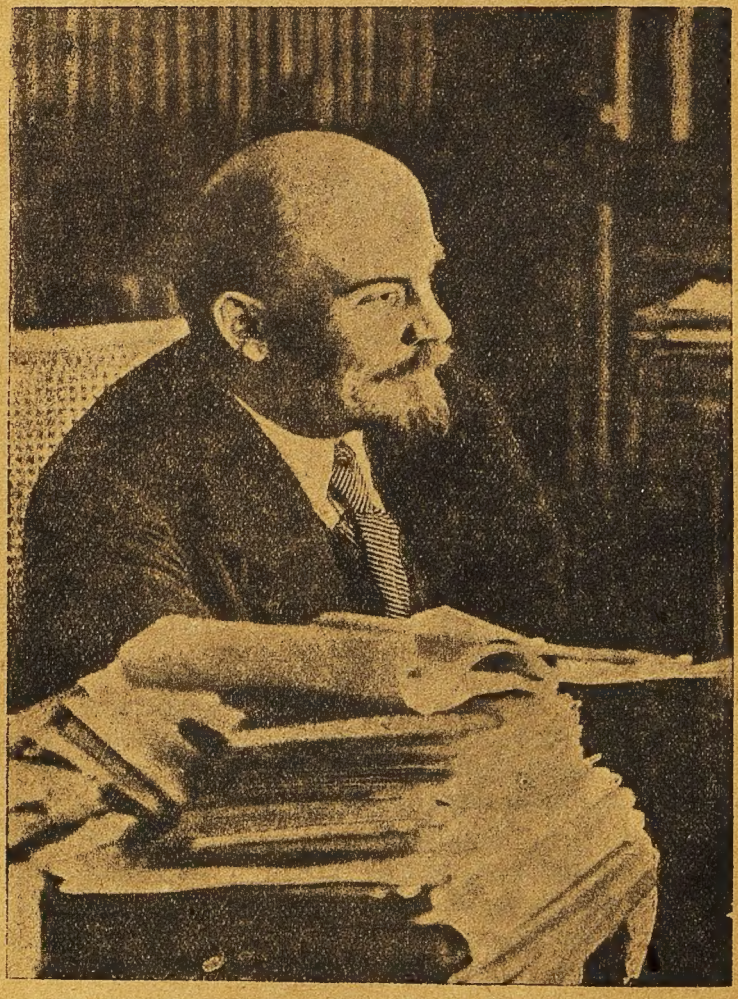
Главлит № 1990. Тираж. 3000.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Настоящая книжка представляет собою одну из черновых глав исторической хрестоматии Великого Октябрьского Переворота 1917 года.

Непосильным трудом, даже теперь, по прошествии 7 лет, оказалась бы попытка дать более или менее исчерпывающую иллюстрацию той огромной работы, которую проделал великий вождь и теоретик мирового рабочего движения Владимир Ильич, сумевший привести партию пролетариата к полной победе над гиблым капитализмом в той 1/6 части света, которая именуется теперь Великим Союзом Советских Социалистических Республик.

Естественно, что предлагаемый сборник преследует только одну скромную цель—систематизировать воедино отдельные скудные для намеченной темы очерки и воспоминания тех месяцев и дней великой жизни вождя, когда он, по возвращении в Россию после февральской революции, загнанный в подполье правительством Керенского, повел неуклонную борьбу за переход власти в руки Советов и привел рабочий класс России к тем историческим „10 дням", которые „потрясли мир" встряской величайшего социалистического переворота.



В. И. Ульянов (Ленин).

Владимир Ильич Ленин.

То, что бросается в глаза, потому что есть характернейшая черта Владимира Ильича,—полная поглощенность его основным делом освобождения рабочего класса. Отсюда и необычайная цельность его образа, отсутствие каких бы то ни было противоречий между его личною и общественною жизнью. Владимир Ильич не потому не знал этих противоречий, что умел бороться с ними, а потому, что растворил свою личную жизнь без остатка в беспрерывной напряженной борьбе за рабочих и крестьян, за всех трудящихся.

Один из крупных буржуазных общественных деятелей Англии, говоря о Ленине, недавно обмолвился любопытным признанием:

„В Ленине—сказал он—поражает отсутствие личной заинтересованности".

Для представителя буржуазной этики является поразительным тот факт, что Владимир Ильич всю жизнь провел как пролетарий и умер, оставив только одно наследство—диктатуру рабочего класса. Для настоящего коммуниста все другое было бы странно, непонятно, но только не это. Как истинный носитель пролетарской революционной этики, Ленин не мог быть заинтересованным лично в революции и ее результатах просто потому, что и класс, волю и разум которого он воплощал, двигая революцию вперед, стремится к завоеванию всего для всего человечества. Для буржуазного моралиста это совершенно не-

понятно. И когда он останавливается перед „личной незаинтересованностью“ вождя, единственное, что он может сделать,— оценить ее как личную добродетель, очень редкую в буржуазном мире и, поэтому, заслуживающую особенного уважения. А между тем эта личная добродетель Ленина на деле является особенностью выдвинувшего его класса, которую он отразил наиболее ярко и полно потому, что был лучшим из лучших его сынов.

И еще другие черты рабочего класса удивительно ярко отразил Владимир Ильич в своем образе: железную, несгибаемую волю, необычайную выносливость, терпение в работе, бесконечную скромность и глубокое уважение ко всякому, кто имел право на звание человека. Если рабочие и крестьяне на каждое насилие и оскорбление своих врагов с такою затаенною радостью и надеждой отвечают именем-лозунгом — „Ленин“, то прежде всего потому, что каждый из них чувствует в этом имени частицу своей души, своей воли, своего разума. Отсюда необычайная популярность его, как вождя, отсюда огромная известность его даже в таких закоулках земного шара, куда пропаганда ленинизма еще не успела проникнуть.

Личность Ленина показывает всем рабочим и крестьянам, всем трудящимся, всем угнетенным, каким будет человек в будущем, когда им удастся воплотить учение Ленина в жизнь. Показывает и об'ясняет потому, что в каждом пролетарии есть частица Ленина, а Ленин есть воплотитель этих частиц в наиболее законченной, отчеканенной форме будущего.

Каким же образом создалась эта законченность, отчетливость отображения пролетарской стихии в образе Ленина? Ответить на это ни в коем случае нельзя одною только ссылкою на личные качества Владимира Ильича. Для ответа нужно припомнить, что Ленин всю свою жизнь отдал освобождению рабочего класса. Вождем он стал именно потому, что, воплощая в себе лучшие черты пролетариата, он сумел показать ему, как эти черты использовать для освобождения всего человечества от ига капитала.

Тот, кто внимательно изучал теорию и практику ленинизма, знает хорошо, что ленинизм не является „выдумкой“ фана-

тика, правда, очень умного, вооруженного железной логикой и волей, как в этом старались, и до сих пор стараются, уверить рабочий класс вольные или невольные слуги капитала. На самом деле ленинизм—это в муках и крови рожденный вывод из вековой истории борьбы труда с капиталом. И при том не русской только истории, но и международной.

Наиболее умные и ловкие буржуазные критики ленинизма, чувствуя полную невозможность доказать рабочему классу, что пролетарская диктатура и коммунизм являются „грезо-фарсом", пытаются теперь свести все дело к „особенностям" русской действительности, законы которой (конечно, „сумасшедшие законы"!) для остального мира не писаны. Фактическая блокада Советской Республики одновременно с лицемерными признаниями ее права творить свою судьбу (буржуазные сторонники невмешательства во внутренние дела С. С. С. Р.) имеют своих многочисленных теоретиков на Западе, опирающихся именно на эту бессмысленную теорию „своеобразности", „варварской исключительности" законов революции в России, якобы совершенно непригодных, вредных, опасных, недопустимых для „культурных стран". Не трудно, однако, и понять, что эта мнимая уступка на деле является новой попыткой обмануть западных рабочих, изолировать их от влияния Октябрьской революции. Особенностью ленинизма является именно то, что представляет собою вывод из классовой борьбы различных стран, так сказать, итогом мировой истории, а не только нашей—русской. Владимир Ильич не потерял времени за границей, куда вынужден был уехать для революционной работы, не стесняемой царским режимом. „Своеобразные" условия российской действительности сделали то, что у Ленина была вынужденная возможность наиболее близко познакомиться с теорией и практикой революций на Западе и сделать из них выводы, обязательные для всех капиталистических стран, а не только для России.

Восстания рабов, крестьянские мятежи, борьба трэд-юнионов, опыты величайших революций буржуазных и пролетарских —вот материал, над которым всю жизнь работал Ленин. И он брал его повсюду, выделяя типичные черты, связывая их не

только в национальном, но и в международном масштабе. Какая нелепость, какая бессмыслица, в самом деле, говорить о ленинизме, как о продукте специфических российских условий, когда именно из него вырос, окреп, стал огромной международной силой III Коммунистический Интернационал!

Ленин не отворачивался с презрением от так называемых „неудачных попыток" рабочего класса сбросить с себя ярмо капитала. Он не говорил ни о революции 1848 года, ни о Парижской Коммуне, ни о декабрьском восстании 1905 года, что „пролетариату не следовало браться за оружие". Он внимательно изучал такие попытки, как международные опыты, тщательно анализировал причины их неудач, скрещивал свои исследования во всех направлениях, долгие годы работал над ними, с упорством самого рабочего класса, ищущего выхода десятилетиями, покуда не добился новой разновидности революционной теории и практики, в которых ценнейшие качества различных форм революционной борьбы нашли наиболее полное выражение. Великие тени Спартака, Стеньки Разина и Пугачева, Робеспьера и Марата, Бланки, Бакунина и Нечаева, Халтурина и Желябова проходят перед глазами тех, кто умеет, как следует, читать статьи и книги Ленина. Всех их он сумел вызвать из могилы, и все они отдали ему то лучшее, чем владели, и все они предостерегли его от тех ошибок, которые в свое время были неизбежны потому, что они пытались, дерзали!

Не „специфически-российской вспышкой" и не „грезо-фарсом" была поэтому Октябрьская революция 1917 года, а законченным выводом из опыта революционных движений многих веков в самых различных странах. В этом сила, необычайная сила ленинизма, в этом секрет огромной устойчивости завоеваний Октября, хотя он является до сих пор единственным опытом своего рода. Ленинизм есть квинт—эссенция, отбор и сгусток всех наиболее сильных сторон пролетарских революционных движений во всем мире. Поэтому он так понятен рабочим массам всего мира, поэтому так и близок творец ленинизма каждому в Англии или Индии, Франции, Бельгии или Конго, в Японии или Китае, в Германии, в Америке или у нас.

Однако, то, что мы сказали выше, не об'ясняет еще в полной мере, почему личность Ленина стала легендарной еще при жизни, почему не только среди рабочих и крестьян, но даже среди буржуазных слоев, и не только в нашей Республике, но далеко за рубежом, он сумел вызвать чувства, которые в день его смерти перекрыли полностью всю сумму буржуазной ненависти и бешенства, клокотавших вокруг него, заставили даже буржуазию признать его превосходство. Нужно, конечно, прежде всего внимательно разобраться в различных проявлениях этого, на первый взгляд непонятного, странного явления.

Разлагающийся руководящий слой буржуазии вынужден был надеть намордник на свою прессу в день смерти Ленина не потому, конечно, что разделял мировую скорбь трудящихся всего мира.

Достаточно только вспомнить, с какою жадностью в течение ряда лет ловила буржуазия всех стран малейшие намеки на то, что в здоровьи пролетарского вождя произошло ухудшение, и с какою настойчивостью она даже придумывала эти намеки, если они долго не появлялись. Но в день смерти Владимира Ильича в лагере врагов пролетариата царило молчание, потому что они не смели говорить, потому что они понимали, что, заговори они о своих настоящих чувствах, везде тяжелый кулак рабочего обрушился бы на их головы. На такую пробу международный капитал пойти не мог. Вежливость буржуазии всех стран была своего рода признанием силы Ленина, как вождя международной революции.

Но кроме крупной буржуазии, руководящей политикой всего мира, есть еще средняя и мелкая, есть огромные слои мещанства, разночинной интеллигенции, крестьянства, разорившиеся еще до войны под ударами крупного капитала, окончательно запутавшиеся во время последней войны, потерявшие в результате ее последнюю надежду на укрепление своего бытия и оказавшиеся у самого порога пролетаризации. Они не верят в коммунизм, они боятся пролетарской диктатуры, но жизнь неумолимо гонит их к лагерю рабочего класса. Вчера их еще

удавалось запугать „красными призраками", а сегодня они перестают верить этим запугиваниям; вчера они встречали с недоверием и страхом имя Ленина, а сегодня они думают над тем, не он ли поведет и их в обетованную страну. Настроения этих огромных слоев еще не определились, но серьезные сдвиги наблюдаются повсюду и, особенно, в тех странах, где загнивающий капитализм, стараясь спасти свою международную монополию, бьет по национальному самоопределению надоразвившихся, главным образом, колониальных стран.

Одною из характернейших черт современного революционного пролетарского движения является то, что оно во многих случаях, особенно в молодых капиталистических странах, вынуждено взять на себя борьбу за разрешение многих демократических задач, от которых отступает буржуазия именно потому, что она давно рассталась с своей революционизирующей ролью и превратилась в контр-революционную силу. Так, например, у нас отделение церкви от государства, введение всеобщей грамотности и т. п демократические мероприятия стали возможны только после Октябрьской революции. Роль пролетарской диктатуры, как силы, вынужденной взять на себя осуществление того, от чего загнивающий класс буржуазии отрекся, особенно отчетливо сказывается в разрешении национального вопроса.

Загнивающий капитализм сумел прекрасно использовать национальные предразсудки, бессодержательные национальные лозунги, для того, чтобы ими обмануть трудящихся и столкнуть их друг с другом в мировой войне; но он оказался бессильным дать какое либо удовлетворение тем, кого обманул, после войны. Наоборот, никогда еще так нагло капитализм не третировал право угнетенных народов на самоопределение, как, именно, теперь.

Первый шаг, действительно серьезный,—действительный в этом направлении, был сделан ни кем иным, как Октябрьской революцией в России. В то время как до нее Россия быстро шла по пути к превращению в колонию Антанты, после Октября впервые вопрос о национальной независимости ее, о праве

на самоопределение был поставлен во весь рост. Коммунистическая партия взялась за решение этого вопроса, потому что ни загнившее дворянство, ни загнивший класс капиталистов не смогли даже подойти к нему: они просто продавали Россию, как продолжают, насколько могут, и теперь продавать иностранным банкирам, только бы купили. Россию сделал национально-независимой страной рабочий класс, под руководством коммунистической партии. В то же время Союз Советских Социалистических Республик разрешил и взаимоотношения между русской и другими национальностями, живущими на территории бывшей империи. Нигде в мире нет такого удачного сочетания принципа свободных национальностей с об'единяющим их государственным началом.

Так вот перед этой способностью Коммунистической Партии разрешать вопросы демократии и склоняются те буржуазные слои, которые волею исторического развития должны исчезнуть, не выполнив своих прогрессивных задач. Поэтому, Ленин, еще при жизни, и в России, и в ряде других стран, стал для них национальным вождем.

То, что верно для России, остается верным и для колониальных стран Востока. Если рабочие и крестьяне этих стран видят в Ленине своего освободителя от ига капитала, то в то же время и они, и многочисленные мелкобуржуазные слои готовы итти за ним, как единственным борцом за национальное освобождение. Ленин не отступил перед этой огромной задачей именно потому, что ключ для решения ее он нашел в международной диктатуре рабочего класса. Национальный вопрос в полном об'еме может быть решен только через Коминтерн, и отсюда его огромная популярность на Востоке.

Совершенно своеобразная особенность Ленина, как вождя, заключается в том, что каждый новый день будет открывать в нем новые черты, как бы заложенные в его теории и практике, но еще не успевшие отчетливо проявиться в жизни, или, точнее, в борьбе. Поэтому, когда говорят, что „Ленин не умер", то в этом образном выражении действительно есть очень много правды. Образ Ленина, великий и сейчас, будет расти, так как,

ленинизм еще только начинает свою работу. Биографы Ленина еще долго будут отставать в своих попытках дать полное изображение его жизни и работы. Исчерпать свою задачу до конца они смогут только тогда, когда ленинизм победит во всем мире, когда Коминтерн поставит точку в заключительной главе истории капитализма и, перевернув страницу, начнет новую главу — **„Освобожденное человечество"!**

Г. Циперович.

На пути к Октябрю.

Для того, чтобы не плестись в хвосте революции, а руководить ею, нужно уметь правильно оценивать участвующие в ней общественные классы, их подлинные нужды и, отсюда, общность или противоположность их интересов.

Опыт всех предыдущих революций показал, что способность давать такого рода оценку—качество, довольно редкое у политических вождей и партий.

В. И. Ленин обладал исключительной способностью оценивать движущие силы революции. Он видел все классы и все главные партии России в их действительной природе, в действительном соотношении их интересов, их сил, их способов действия, их ближайших и дальнейших целей.

Еще будучи за-границей, в марте 1917 г., по получении первых вестей о февральской революции, В. И. Ленин указал, что эта буржуазная революция, свергнувшая царизм, есть лишь **первый этап пролетарской революции.** Помещичье-капиталистическое правительство, пришедшее к власти, не может дать трудящимся ни мира, ни хлеба, ни свободы. Пролетариат должен взять руководство революцией в свои руки. У него два союзника. Первый—многомиллионная масса полупролетарского и мелко-крестьянского населения России; второй—пролетариат всех стран.

Для В. И. Ленина **оценить** движущие силы революции означало **дать программу социалистической революции** и сосредоточить всю энергию партии большевиков на выполнении этой программы.

Программа В. И. Ленина отличалась безупречной революционной краткостью, точностью и простотой.

Не буржуазная парламентская республика, а диктатура пролетариата.

Вся власть Советам.

Конфискация помещичьей собственности.

Национализация капиталистической собственности—всех средств и орудий производства.

Создание революционного Интернационала.

В. И. Ленин, с присущей ему остротой политического анализа, глубже кого-бы то ни-было понял, что вопрос о власти есть коренной вопрос всякой революции. Делить власть с другими классами—значит задержать развитие революции и не осуществить ни одной серьезной социально-экономической задачи.

Вот почему в то время, как меньшевики и эс-эры шли на соглашение с буржуазией и помещиками, составляли общее правительство, топтались на месте и разлагали основную силу революции—пролетариат и трудящееся крестьянство,—партия большевиков, под твердым руководством В. И. Ленина, стояла на том, что революционный пролетариат должен **самостоятельно** взять в свои руки государственную власть. Власть в руках пролетариата, поддержка его беднейшим крестьянством, без этого победы революции быть не может.

Необыкновенная прозорливость, огромная сила воли, изумительная наступательная энергия, полное отсутствие колебаний,—вот черты, которые были проявлены В. И. Лениным во весь период февральской революции—с марта вплоть до октября.

Эти черты, соединенные с всесокрушающей творческой верой в силы и разум трудящихся масс—пролетариата и беднейшего крестьянства, сыграли огромную роль в успехе проле-

тарской революции, в огромной степени умножили количественно, небольшие тогда, силы большевиков в России.

После 4 июля, когда рабочие и солдаты вышли на улицы, чтобы дать революционное предостережение временному правительству, В. И. Ленин с поразительной ясностью устанавливает, что советы уже не в состоянии мирно взять власть в свои руки. Власть можно получить только победив в решительной борьбе действительных обладателей власти—буржуазию.

В начале июня 1917 г. — перед Всероссийским с'ездом советов—В. И. Ленин говорил: либо разгон советов и бесславная смерть их, либо вся власть советам. Помочь советам взять целиком власть может только партия пролетариата—большевистская партия. На этой мысли В. И. Ленин сосредоточил после июльских дней всю огромную энергию своего ума, всю свою несокрушимую волю.

Накануне Октябрьской революции В. И. Ленин со свойственной его речи силой и решительностью писал: „Мы должны призывать массы **решать**, а не говорить, **действовать**, а не писать резолюции; мы должны ставить вопрос так: либо полное принятие советами власти, а следовательно, вооруженное восстание, либо смерть революции. Середины нет. Ждать нельзя.

Победа большевизма в Октябрьскую революцию была обеспечена тем, что в период февральской революции, при неслыханных колебаниях и всего империализма, и всего блока меньшевиков с эс-эрами, наша партия имела вождя, твердо знающего свой путь, дававшего трудящимся верный выход из тяжелого положения и, как никто, умевшего вдохновлять массы на самые трудные героические подвиги.

Роль В. И. Ленина в этот период—от февральской к октябрьской революции была всепоглащающе огромна. Без преувеличения можно сказать, что он один со своей несравненно-великой партией взял на свои плечи революцию и через все трудности провел ее к Октябрю.

Ф. Светлов.

Первый ленинский урок.

С приездом Ленина в Россию в апреле 1917 г. наша партия почувствовала под ногами твердую почву.

Сойдя со ступеней Финляндского вокзала, буквально через несколько минут после приезда, Ленин уже говорил необыкновенные речи о задачах русской революции, о задачах пролетариата. Броневик, привезенный к вокзалу отрядом солдат, был трибуной, с которой перед огромной толпой рабочих, встречавших своего вождя, тов. Ленин говорил о перспективах мировой социалистической революции. На пути от вокзала до знаменитого в то время в Петербурге—теперешнем Ленинграде—„дворца Кшесинской" он должен был навстречу прибывавшим толпам рабочих снова и снова с краткими речами подниматься на броневик, освещавшийся ярким рефлектором в ночной тьме. И неизменно Владимир Ильич повторял основной свой лозунг: „Да здравствует социалистическая революция!".

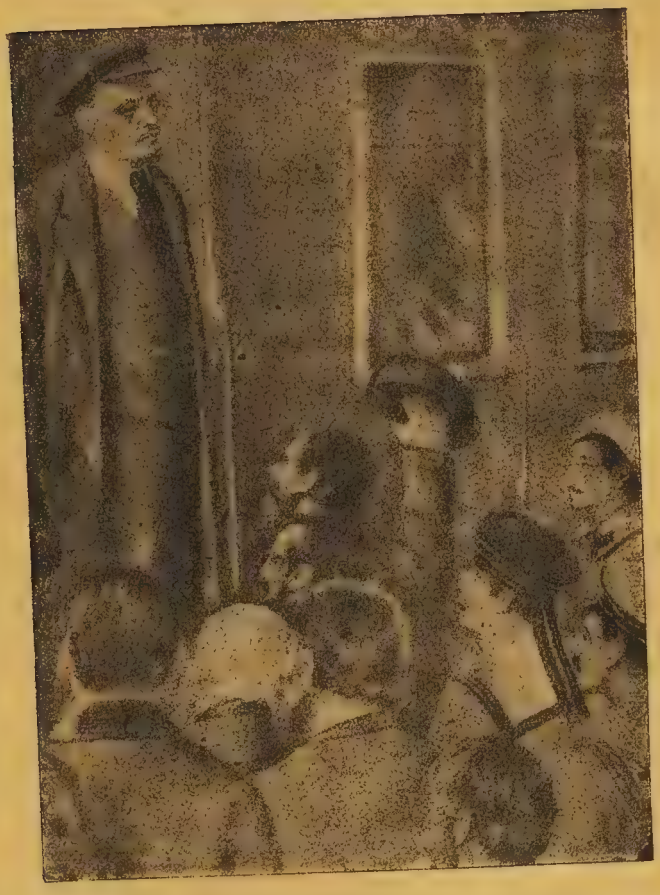
Этими первыми пламенными речами был брошен дерзкий вызов врагам, и сразу же дан ясный курс всей работе нашей партии. До этого момента партия только слабо и неуверенно нащупывала свой путь.

Еще до приезда т. Ленина партия твердо заняла позиции против войны, против временного буржуазного правительства Львова—Милюкова—Керенского, против политики соглашательских мелкобуржуазных партий. Но надо прямо сказать: у партии не было достаточной ясности и решительности, которой требовал революционный момент. Не было этого потому, что не было определенной перспективы на социалистическую революцию. В общем правильная агитация и вся революционная практика партии не имела твердой основы, так как мысль партии еще не дошла до смелых выводов о необходимости непосредственной борьбы за социализм, за социалистическую революцию.

С тех пор, как Ленин в первой же речи, сказанной им в революционной России, выдвинул лозунг социалистической революции, он—этот лозунг—как бы сошел для нашей партии

240696

БИБЛИОТЕКА ЦК КПСС



Приезд В. И. Ленина в Петроград в 1917 году. На Финляндском вокзале.

на землю. Лениным сказано было то слово, высказана была та мысль, к которым нас, большевиков, и всех передовых рабочих в то время уже подвели революционные события.

Повторявшиеся с броневика краткие речи с призывами к социалистической революции бросили ослепительно яркий свет на основные задачи нашей партии. В особенности памятен этот момент нам, участникам этой необыкновенной, какой-то пророческой встречи Ильича в начале революции. Мы были сразу как бы окрылены, почувствовали необыкновенный прилив революционной энергии и веры. Боевые призывы вождя были встречены не менее бурной радостью беззаветно-революционных ленинградских рабочих...

Но они—эти призывы—еще нуждались в том, чтобы отлиться в ясные конкретные формы. Лозунг социалистической революции нуждался в указании путей, по которым должен был пойти авангард трудящихся масс—пролетариат. Ленин не заставил ждать и с этим.

Через несколько дней уже появилась в „Правде" знаменитые, литые из несокрушимого идейного материала, тезисы с лозунгом, сделавшимся для трудящихся всех стран самым дорогим и близким: „Власть советам рабочих депутатов!". „Не парламентарная республика,—возвращение к ней от С. Р. Д. было бы шагом назад,—а республика советов рабочих, батрацких и крестьянских депутатов по всей стране, снизу доверху",—так был переведен тов. Лениным на язык русской революции лозунг социалистической революции. Мало того. Так был найден ключ к ее осуществлению, к воплощению в жизнь. Лозунг социалистической революции превратился в понятное, родное для широчайших масс рабочих и трудящихся требование. Цель борьбы сразу как бы освободилась от скрывавшего ее покрывала.

Нельзя, впрочем, сказать, чтобы в партии не было колебаний при принятии тезисов о борьбе за власть советов,—колебания, хотя и недолгие, у части товарищей были. Недаром, вместе с лозунгом „власть советам" Ленин, к ужасу всех меньшевистских поклонников гнилых традиций, провозгласил призыв: сбросим же с себя грязную рубашку социал-демократии!

Призыв Ленина к восстанию против социал-демократизма бил не только по меньшевикам, переживавшим худшие из его традиций, но и по тем колебавшимся из наших товарищей, которые не сразу поняли созревание коренных перемен в исторической обстановке. Колебания отдельных, даже видных товарищей, были, однако, не характерны для партии в целом. Намечавшиеся до приезда Ленина разногласия в партии теперь также потеряли свою силу. Вся партия быстро встала на те позиции, которые указал Ильич. Перспектива, открытая с такой чудесной ясностью и логикой тов. Лениным, для революционных большевиков, намечала пути борьбы, подготовленные прошлым партии. Поэтому, только господа Базаровы-Авиловы, в первые дни революции пытавшиеся, видимо, по старой памяти, выдавать себя за большевиков, отшатнулись окончательно от апрельских тезисов тов. Ленина и с тех пор остались до конца враждебны нашей партии.

Приняв апрельские тезисы Ленина о советах, партия предрешила свое направление. Она тем самым пошла на подготовку вооруженного свержения буржуазного строя. Но эта подготовка вовсе не сводилась к простому собиранию и технике организации боевых сил. Напротив, для того момента перед партией, по Ленину, вовсе не стояли на первом месте ни боевая подготовка, ни боевые выступления.

Наметив ясно путь на восстание, апрельские тезисы вместе с тем выдвинули на первое место в работе партии того времени задачу идейно-разъяснительную, пропагандистскую и агитационную в широких рабочих массах. Могло казаться, что намеченной основной цели вовсе не соответствовали те, по внешности скромные, незаметные задачи, которые тов. Ленин сформулировал в своих тезисах. В них не только не говорилось о немедленном восстании, но в них, как бы на перекор бурно развертывавшейся революционной стихии, вколачивались в наши головы простые, совсем обыкновенные обязанности революционных пролетариев в тот момент. В тезисах тов. Ленина было сказано:

„Лишь терпеливое, систематическое, настойчивое, приспособляющееся особенно к практическим потребностям масс, разъяснение ошибок и тактики мелкобуржуазных соглашательских партий является нашей задачей" того времени.

„Пока мы в меньшинстве,—говорил тов. Ленин,—до тех пор задача партии вести терпеливую пропаганду в массах, раз'ясняя ошибки в поведении и тактике меньшевистско-эсеровских советов и одновременно проповедуя в массах необходимость перехода государственной власти к советам рабочих депутатов. Не поддавайся естественному чувству революционера, а руководствуйся тем, что подсказывает внимательная марксистская оценка революционной обстановки,—таков был дух апрельских тезисов Ильича.

Революционное чувство подсказывало желание немедленных выступлений и непосредственной открытой борьбы с врагами. Но марксистское сознание революционера Ленина указывало другой метод работы партии в этот момент. И, помнится, в апрельские дни тов. Ленин особенно подчеркивал опасность и гибельность политики, которая пойдет „чуточку" больше, чем нужно, влево, „чуточку" перейдет за пределы раз'яснительно-критической работы в массах к непосредственным революционным выступлениям. Ленин требовал и добился того, что на ряд месяцев (таких месяцев, которые в истории революции стоят десятилетия!) партия все силы сосредоточила на развертывании огромной и очень успешной агитационной работы в массах с раз'яснением классовых целей империалистской войны, реакционной сущности политики буржуазии и смысла предательской в отношении рабочих, соглашательской тактики меньшевиков и эсеров. Партия вместе с тем выдвинула положительную программу своих действий. Партия ставит в этот момент своей непосредственной целью завоевание большинства в советах.

Теперь мы видим, какой замечательный урок наша партия получила под руководством тов. Ленина за первые месяцы февральской революции. В чем же заключается этот, скажем, первый ленинский урок для нашей партии?—В блестящем применении марксизма к политике.

В эту революционную эпоху наша партия впервые в истории, впервые во всем мире поставила своей непосредственной задачей борьбу за социализм. Никогда и ни в одной стране до того времени ни одна партия не ставила так практически вопрос о социалистической революции, как поставила его в первые недели февральской революции наша партия под руководством тов. Ленина.

Когда Маркс и Энгельс писали в „Коммунистическом манифесте" о красном „призраке" коммунизма, который, „бродит по Европе",—это еще была скорее теоретическая постановка вопроса о социалистической революции. Даже когда наша партия в начале империалистской войны формулировала словами Ленина задачи превращения империалистской войны в войну гражданскую, порабощенных классов и народов против своих угнетателей,—даже в этот момент перед партией еще не стояла задача непосредственной борьбы за социализм. Верно, конечно, что задача эта уже приближалась. Верно и то, что она уже была намечена, как основная задача всех коммунистических партий эпохи империалистских войн. Но только с началом революции в России в 1917 г., в замечательных апрельских тезисах тов. Ленина была поставлена практически, как непосредственная задача, как ближайшая цель,—социалистическая революция. В этих тезисах уже отражалась выраставшая из-под исторической почвы социалистическая революция с плотью, кровью и формами советского государства.

Ленин выступил в эту эпоху на исторической арене как гениальный революционный марксист, который теоретически прекрасно осмыслил историческую обстановку, который понял основное направление в исторических событиях эпохи, который сделал по-марксистски, как лучший последователь революционного марксизма, выводы из предшествующей истории развития общества и рабочего класса в первую голову. Как марксист, научно осознавший пути общественного развития своей эпохи, как идеолог пролетариата, из интересов которого должен исходить в эту эпоху передовой мыслитель,—подходил к задачам революции и к своим обязанностям Владимир Ильич. Но он соеди-

нил в себе вместе с этим гениальное чутье революционера, вкладывающего все силы, все способности, всю волю, весь ум, всю жизнь в осуществление поставленных перед его классом задач. Пользуясь марксистской теорией, Ленин определил в начале февральской революции задачи борьбы российского рабочего класса и, как вождь пролетариата, он взялся за осуществление осознанных задач своего класса. И мы видели, с каким необыкновенным тактом, выдержкой и осторожностью в нужные моменты (замечательный пример—эти первые месяцы февральской революции) Ленин проводит подготовку осуществления поставленной задачи. Так может действовать, так может руководить борьбой только такой исключительный человек, только такой удивительный вождь, который не только ясно представляет цели и задачи борьбы, но который отчетливо видит и пути к победе; которому чужды колебания и нерешительность недодумавших, не проникшихся сознанием коренных, исторических требований революции в целом, и вместе с тем чуждо подчинение своему или чужому чувству, чуждо какое-либо увлечение стихийными революционными настроениями. За время февральской революции Ленин в особенности ярко встает перед глазами всех рабочих, как мыслитель-марксист, которым руководит сознание исторически созревших задач социалистической революции и непоколебимая воля к победе передового класса современного общества—пролетариата.

Надо изучать эту эпоху нашей партии и литературное наследство тов. Ленина этого времени для того, чтобы понять, как велика сила, вложенная в учение научного социализма,—в марксизм. Ленин дал невиданный пример, который трудно себе даже представить повторившимся в будущей истории,—пример сознательного руководства непосредственной подготовкой и борьбой трудящихся, с пролетариатом во главе, начинающим свое историческое дело освобождения человечества от классового гнета, от капиталистического рабства.

Ленинский урок для нашей партии в эпоху февральской революции должен быть одним из прочнейших камней, из которых сложен фундамент нашей партии. Партия получила за

эти первые месяцы революции необыкновенно богатую школу революционной борьбы и марксисткого политического руководства. Этим в огромной мере обеспечивалось дальнейшее развертывание сил партии и даже сама октябрьская победа рабочего класса России.

В. Молотов.

Апрельские тезисы.

(Из статьи В. И. Ленина „О задачах пролетариата в данной революции“).

1. В нашем отношении к войне, которая со стороны России и при новом правительстве Львова и К°[1]), безусловно остается грабительской, империалистской войной, в силу капиталистического характера этого правительства, недопустимы ни малейшие уступки „революционному оборончеству“.

На революционную войну, действительно оправдывающую революционное оборончество, сознательный пролетариат может дать свое согласие лишь при условии: а) перехода власти в руки пролетариата и примыкающих к нему беднейших частей крестьянства; б) при отказе от всех аннексий на деле, а не на словах; в) при полном разрыве на деле со всеми интересами капитала.

Ввиду несомненной добросовестности широких слоев массовых представителей революционного оборончества, признающих войну только по необходимости, а не ради завоеваний, ввиду их обмана буржуазией, надо особенно обстоятельно, настойчиво, терпеливо раз'яснять им их ошибку, раз'яснять неразрывную связь капитала с империалистической войной, доказывать, что кончить войну истинно-демократическим, не насильническим миром нельзя без свержения капитала.

Организация самой широкой пропаганды этого взгляда в действующей армии.

---

[1]) Во главе временного правительства, организованного сейчас же после февральской революции 1917 г., стоял князь Львов.

Братанье.

2. Своеобразие текущего момента в России состоит в переходе от первого этапа революции, давшего власть буржуазии, в силу недостаточной сознательности и организованности пролетариата, ко второму ее этапу, который должен дать власть в руки пролетариата и беднейших слоев крестьянства.

Этот переход характеризуется, с одной стороны, максимумом легальности (Россия сейчас--самая свободная страна в мире из всех воюющих стран), с другой стороны, отсутствием насилия над массами и, наконец, доверчиво бессознательным отношением их к правительству капиталистов, худших врагов мира и социализма.

Это своеобразие требует от нас умения приспособиться к особым условиям партийной работы в среде неслыханно широких, только что проснувшихся к политической жизни масс пролетариата.

3. Никакой поддержки временному правительству, раз'яснение полной лживости всех его обещаний, особенно относительно отказа от аннексий, разоблачение вместо недопустимого, сеющего иллюзии (обман) „требования", чтобы это правительство, правительство капиталистов, перестало быть империалистским.

4. Признание факта, что в большинстве Советов Рабочих Депутатов наша партия в меньшинстве и пока в слабом меньшинстве перед блоком всех мелко-буржуазных оппортунистических, поддавшихся влиянию буржуазии и проводящих ее влияние на пролетариат элементов от н. с., с.-р. до О. К. (Чхеидзе, Церетели и пр.), Стеклова и пр., и пр.

Раз'яснение массам, что С. Р. Д. есть единственно возможная форма революционного правительства и что поэтому нашей задачей, пока это правительство поддается влиянию буржуазии, может явиться лишь терпеливое, систематическое, настойчивое, приспособляющееся особенно к практическим потребностям масс раз'яснение ошибок и тактики.

Пока мы в меньшинстве, мы ведем работу критики и выяснения ошибок, проповедуя в то же время необходимость пе-

рехода всей государственной власти к Советам Рабочих Депутатов, чтобы массы опытом избавились от своих ошибок.

5. Не парламентская республика,—возвращение к ней от С. Р. Д. было бы шагом назад,—а республика Советов рабочих, батрацких и крестьянских депутатов по всей стране снизу до верху.

Устранение полиции, армии и чиновничества [1]).

Плата всем чиновникам при выборности и сменяемости всех их в любое время, не выше средней платы хорошего рабочего.

6. В аграрной (земельной) программе перенесение центра тяжести на Совет батрацких депутатов.

Конфискация всех помещичьих земель.

Национализация всех земель в стране, распоряжение землею местными Советами батрацких и крестьянских депутатов. Выделение Советов депутатов от беднейших крестьян. Создание из каждого крупного имения (в размере около 100 десятин до 300 по местным и прочим условиям и по определению учреждений) образцового хозяйства под контролем батрацких депутатов и на общественный счет.

7. Слияние немедленное всех банков страны в один общенациональный банк и введение контроля над ним со стороны С. Р. Д.

8. Не „введение" социализма, как наша непосредственная задача, а переход тотчас лишь к контролю со стороны С. Р. Д. за общественным производством и распределением продуктов.

9. Партийные задачи.

а) Немедленный с'езд партии.

б) Перемена программы партии—главное.

1) об империализме и империалистской войне,

2) об отношении к государству и наше требование „государства коммуны" [2]),

---

1) Т.-е. замена постоянной армии всеобщим вооружением народа.

2) Т.-е. такого государства, прообраз которого дала Парижская Коммуна.

3) исправление отсталой программы-минимум.

в) Перемена названия партии [1]).

10. Обновление Интернационала.

Инициатива создания революционного Интернационала, Интернационала против социал-шовинистов и против „центра“ [2]).

Ленин и восстание.

Ленин был рожден для революции. Он был поистине гением революционных взрывов и величайшим мастером революционного руководства. Никогда он не чувствовал себя так свободно и радостно, как в эпоху революционных потрясений. Этим я вовсе не хочу сказать, что Ленин одинаково одобрял всякое революционное потрясение или что он всегда и при всяких условиях стоял за революционные взрывы. Нисколько. Этим я хочу лишь сказать, что никогда гениальная прозорливость т. Ленина не проявлялась так полно и отчетливо, как во время революционных взрывов.

В дни революционных поворотов он буквально расцветал, становился ясновидцем, предугадывал движение классов и вероятные зигзаги революции, видя их, как на ладони. Недаром говорится в наших партийных кругах, что „Ильич умеет плавать в волнах революции, как рыба в воде“. Отсюда „поразительная ясность тактических лозунгов и „головокружительная“ смелость революционных замыслов т. Ленина...

---

[1]) Вместо „социал-демократии“, официальные вожди которой во всем мире предали социализм, перейдя к буржуазии („оборонцы“ и колеблющиеся „каутскианцы“), надо называться Коммунистической партией.

[2]) „Центром“ называется в международной социал-демократии течение, колеблющееся между шовинистами („оборонцами“) и интернационалистами, именно: Каутский и К° в Германии, Лонге и К° во Франции, Чхеидзе и К° в России, Турати и К° в Италии, Макдональд и К° в Англии и т. д.

Период перед октябрьским переворотом, когда миллионы рабочих, крестьян и солдат, подгоняемые кризисом в тылу и на фронте, требовали мира и свободы; когда генералитет и буржуазия подготовляли военную диктатуру в интересах „войны до конца"; когда все так называемое общественное мнение, все так называемые социалистические партии стояли против большевиков, третируя их немецкими шпионами; когда Керенский пытался загнать в подполье—и отчасти уже успел загнать—партию большевиков; когда все еще могучие дисциплинированные армии австро-германской коалиции стояли против наших усталых и разлагавшихся армий, а западно-европейские „социалисты" благополучно пребывали в блоке со своими правительствами в интересах „войны до полной победы"... Что значило поднять восстание в такой момент?

Поднять восстание в такой обстановке—это значит поставить все на карту. Но тов. Ленин не боялся рискнуть, ибо он знал, видел своим ясновидящим взором, что восстание неизбежно, что восстание победит, что восстание в России подготовит конец империалистской войны, что восстание в России всколыхнет измученные массы Запада, что восстание в России превратит войну империалистскую в войну гражданскую, что восстание даст республику советов, что республика советов послужит оплотом революционного движения в во всем мире.

Известно, что это революционное предвидение тов. Ленина сбылось впоследствии с невиданной точностью.

И. Сталин.

Уроки революции.

Всякая революция означает крутой перелом в жизни громадных масс народа. Если не назрел такой перелом, то настоящей революции произойти не может. И как всякий перелом в жизни любого человека многому его учит, заставляет его многое пережить и перечувствовать, так и революция дает всему

народу в короткое время самые содержательные и ценные уроки.

За время революции миллионы и десятки миллионов людей учатся в каждую неделю большему, чем в год обычной, сонной жизни. Ибо на крутом переломе жизни целого народа становится особенно ясно видно, какие классы народа преследуют те или иные цели, какою силою они обладают, какими средствами они действуют.

Всякий сознательный рабочий, солдат, крестьянин должен внимательно вдуматься в уроки революции, особенно теперь, в конце июля, когда ясно стало видно, что первая полоса нашей революции кончилось неудачей.

В самом деле, посмотрим, чего добивались массы рабочих и крестьян, совершая революцию. Чего ждали они от революции? Известно, что они ждали свободы, мира, хлеба и земли.

Что же мы видим теперь?

Вместо свободы начинают восстановлять прежний произвол. Вводят смертную казнь для солдат на фронте, привлекают крестьян к суду за самочинный захват помещечьей земли. Громят типографии рабочих газет. Закрывают без суда рабочие газеты. Арестуют большевиков, часто не пред'являя даже никаких обвинений или пред'являя обвинения явно клеветнические.

Возразят, пожалуй, что преследования большевиков не составляют нарушения свободы, ибо преследуют только определенных лиц за определенное обвинение. Но это возражение —заведомая и очевидная неправда, ибо как же можно громить типографию и закрывать газеты за преступление отдельных лиц, будь даже эти обвинения доказаны и признаны судом. Другое дело, если бы правительство признало законом преступными всю партию большевиков, самое направление, взгляды их.

Главное теперь, что газеты помещиков и капиталистов бешено бранили большевиков за их борьбу против войны, против помещиков и против капиталистов и требовали открытого ареста и преследования большевиков еще тогда, когда ни одно обвинение ни против одного большевика не было еще придумано. Народ хочет мира. А революционное правительство свободной России снова повело захватную войну, на основе тех

самых тайных договоров, которые бывший царь Николай II заключил с английскими и французскими капиталистами в интересах ограбления чужих народов русскими капиталистами Эти тайные договоры так и остались неопубликованными. Правительство свободной России отделалось отговорками, так и не предложив справедливого мира всем народам.

Хлеба нет. Голод опять надвигается. Все видят, что капиталисты и богатые бессовестно обманывают казну на военных поставках (война стоит теперь народу 50 миллионов рублей ежедневно), наживают неслыханные прибыли на высоких ценах, а для серьезного учета производства продуктов и распределения их рабочим ничего не сделано. Капиталисты наглеют все больше, выбрасывая рабочих на улицу—и это в такое время, когда народ бедствует от бестоварья. Громадное большинство крестьян заявляло громко и ясно на длинном ряде с'ездов, что они об'являют помещичью собственность на землю несправедливостью и грабежом. А правительство, называющее себя революционным и демократическим продолжает месяцами водить крестьян за нос и надувать их обещаниями и оттяжками.

Правительство дошло до такой наглости в защите помещиков, что начинает привлекать крестьян к суду за „самочинные“ захваты.

Крестьян водят за нос, убеждая подождать до Учредительного Собрания. А созыв этого Собрания капиталисты все оттягивают. Теперь, когда этот созыв, под влиянием требования большевиков, назначен на 30-е сентября, капиталисты открыто кричат, что это „невозможно“, короткий срок, и требуют отложить созыв Учредительного Собрания... Самые влиятельные члены партии капиталистов и помещиков, партии „кадетов“ или партии „народной свободы“ прямо проповедуют отсрочку созыва Учредительного Собрания до окончания войны.

С землей подожди до Учредительного Собрания. С Учредительным Собранием подожди до конца войны. С концом войны подожди до полной победы. Вот что выходит. Над крестьянами прямо издеваются капиталисты и помещики, имея свое большинство и правительство.

Н. Ленин.

В июльские дни.

В дни 3—4 июля 1917 года была сделана первая серьезная попытка с нашей стороны покончить с властью коалиционного правительства Керенского—Терещенко—Чернова—Церетели. Она не удалась. Началась бешеная травля нашей партии и наших вождей. Тов Ленин был об'явлен германским шпионом и, вместе с тем, был подписан приказ об его аресте.

Помню кучку людей, столпившихся около черносотенной газеты Бурцева-Алексинского, расклеенной по Невскому проспекту доказывающей, что Ленин германский шпион и что на это имеются неопровержимые данные. Помню шипение и радостные лица одних, недоумение и растерянность других.

Юнкера рыскают повсюду—ищут Ленина, но его уже нет на квартире. Разговоры: „удрал к Вильгельму", „найдешь ты его, как бы не так".

Таврический дворец. Здесь только и говорят о вчерашнем дне, о нашем выступлении, о том, что у нас в организации не все обстоит благополучно. Так говорят левые с.-р., так говорят даже некоторые, довольно видные, большевики. В рабочих районах минутное смущение, но оно живо проходит. Среди павловцев и измайловцев довольно ясно слышны голоса: „подвели, мы не знали, что большевики германские шпионы". Ленина ищут, но не находят. Некоторые наши товарищи ставят вопрос о том, что Ленину нельзя скрываться, он должен явиться. „Иначе у партии не будет возможности оправдаться перед широкими массами". „Вождю партии брошено тяжкое

обвинение, он должен предстать перед судом и оправдать себя и партию". Так рассуждали очень многие видные большевики.

Встречаемся со Сталиным в Таврическом дворце. Идем вместе к тов. Ленину, он должен быть на квартире Полетаева (бывший деп. Государственной Думы, рабочий Путиловского завода), кажется на 8-й Рождественской. Торопимся туда, так как в Таврическом дворце идут упорные слухи, что Полетаев, по данным архива департамента полиции, провокатор. Спешим к Ильичу, надо его предупредить об этом, надо перевести его оттуда, не то могут нагрянуть на квартиру Полетаева и там застать Ильича. Приходим,—его уже нет. Во дворе встречаем жену Полетаева; она сообщает, что Ленин перешел от них на квартиру С. Аллилуева в том же районе (улицу не помню). Она, смеясь, рассказала нам, как Г. Полетаева тоже обвиняют в провокаторстве. Пошли к Аллилуеву. Поднялись к нему на квартиру.

Т. т. Ленин и Зиновьев и Н. К. Крупская там. Не успели мы сесть, как вошли: Ногин и В. Яковлева. Пошли разговоры о том, надо ли Владимиру Ильичу явиться и дать арестовать себя. Ногин довольно робко высказался за то, что надо явиться и перед гласным судом дать бой. Таково было мнение довольно значительной части московских товарищей. Владимир Ильич, со свойственной ему ясностью, доказал, что никакого гласного суда не будет. Сталин решительно против явки к властям. „Юнкера до тюрьмы не доведут, убьют по дороге"— говорит он. Ильич, по всему видно, тоже против, но немного смущает его Ногин. Как раз в это время заходит Е. Стасова и сообщает о вновь пущеном слухе по Таврическому дворцу, что Ленин, якобы, по документам архива департамента полиции, провокатор. Эти слова на Ильича произвели невероятно сильное впечатление. Нервная дрожь перекосила его лицо, и он со всей решительностью заявил, что надо ему сесть в тюрьму. Ильич заявил это нам тоном, не допускающим возражений. Меня и Ногина посылают в Таврический дворец для переговоров с членом президума ВЦИК'а и Петроградского Совета Анисимовым, об условиях содержания Ильича в тюрьме. Мы дол-

жны были добиться гарантий от него, что Ильич не будет растерзан озверевшими юнкерами. Надо было добиться, чтобы Ильича посадили в Петропавловку (там гарнизон был наш), или же, если он будет посажен в „Кресты", то добиться абсолютной гарантии, что он не будет убит и будет назначен гласный суд. В случае утвердительного ответа, Анисимов под вечер на автомобиле под'езжает к условленному под'езду на 8-й Рождественской, где его встречает Ленин, а оттуда везет Ильича в тюрьму, где, конечно, его прикончили бы, если этой величайшей преступной глупости суждено было бы совершиться. Мы с Ногиным явились в Таврический дворец и вызвали Анисимова. Разсказали ему о решении Ильича и потребовали абсолютную гарантию. На Петропавловку он не согласился. Что касается гарантии в „Крестах", заявил, что, конечно, будут приняты все меры. Я решительно потребовал от него абсолютных гарантий (чего, конечно, никто не мог дать), пригрозив, что, в случае чего-либо, перебьем всех их. Анисимов был рабочий Донбаса. Мне показалось, что его самого захватывает ужас от колоссальной ответственности этого дела. Еще несколько минут и я заявил ему: „Мы вам Ильича не дадим". Ногин тоже согласился с этим. Спешу обратно на квартиру С. Аллилуева; при выходе встречаю тов. Луначарского, который утром был в большой панике.

Он поручил мне передать Ленину, чтобы он ни в коем случае не садился в тюрьму, ибо в данный момент в руках коалиции находится власть только формально, фактически же она в руках корниловцев, а завтра, может быть, и формально перейдет к ним. Это меня очень обрадовало, так как утром настроение Анатолия было другое. Ногин остался, я поспешил к Ленину. Сталин опять у него (кажется, он там и жил). Я передал им в двух словах наш разговор с Анисимовым и мнение тов. Луначарского и прибавил, что Анисимов не знает, в чьих руках будет завтра он сам. Решили, что никаких разговоров дальше не может быть. Ильич должен уехать из города. Сталин взялся организовать от'езд Ленина. Мне было предложено немедленно снять свою шевелюру и следовать с Ильичем. Я

поспешил в парикмахерскую, но Ильич, не дождавшись моего возвращения, вместе с тов. Зофом (ныне военным комиссаром флота) и с одним рабочим из Сестрорецка благополучно вышел из города.

С. Орджоникидзе.

Таинственный шалаш.

С 3-го на 4-го июля пришел ко мне товарищ Зоф и сообщил, что Центральный Комитет Партии поручает мне скрыть Владимира Ильича Ленина и Григория Евсеевеча Зиновьева. Расспросив детально обо всем необходимом, я уверил тов. Зофа, что все будет сделано как нельзя лучше, и указал место, где я должен был встретить Владимира Ильича и Григория Евсеевича, а именно у Строгонова моста: я должен ждать тов. Сталина у деревьев, а за ним на извозчике должен под'ехать тов. Зиновьев и Ленин. 4-го я был уже в Петрограде, запасшись билетами и ожидая в условленном месте. Через некоторое время подошел тов. Сталин, а за ним под'ехали в крытой карете тов. Ленин и Зиновьев. Через несколько минут мы уже были на вокзале и, разместившись на площадке последнего вагона, доехали до станции Разлив. Тут уже почувствовали, что миновали самые большие опасности; через несколько минут добрались до первого логовища Владимир Ильича и т. Зиновьева. Это чердак сарая, преобразованного в сеновал, где и находились первое время тов. Ленин и тов. Зиновьев.

Первое, что было сделано, это—изменение облика тов. Зиновьева и тов. Ленина: волосы немедленно были выстрижены Надеждой Кондратьевной Емельяновой. Положение не из приятных—кругом живут дачники, наслаждающиеся природой за счет трудового класса; и, естественно, что они, противники всякого рабочего движения, с удовольствием при возможности возьмут на себя миссию шпионажа. Нередко приходилось слышать от подобных летних поселян, заинтересованных в то время поимкой внезапно скрывшихся товарищей Владимира Ильича

Ленина и Григория Евсеевича Зиновьева, про которих все газеты трубили о том, что они шпионы и якобы удрали в Германию,—это обычное истрепанное обвинение, употребляемое почти во всех европейских государствах против своих внутренних врагов,—приходилось слышать и от окружающих поселян-дачников подобную ересь и поддакивать в знак согласия, чтобы

Дерево на углу Новоселевенской набережной и Большой Невки, где тов. Емельянов встретил тов. Ленина перед отъездом на ст. Разлив.

отвлечь малейшее подозрение. Но, однако, чердак имел и свои выгодные стороны, а именно: служил прекрасным местом для ориентировки. Так как совершенно не было первое время связи, то этот чердак в этих случаях давал значительную помощь, а именно: приезжает товарищ, осведомляешься о фамилии: так, например, приехал тов. такой-то, спрашивает Владимира Ильича; гость отводится в глубь двора, а в это время Владимир Ильич и Григорий Евсеевич наблюдают из многочисленных щелей чердака. Затем гость оставляется полюбоваться окружающим, тов. Владимир Ильич дает ответ о результате своих наблюдений, и уже после подобной репетиции тов. имеет возможность получить свидание. Был и такой случай: приходит тов. N, также сообщает, что ему необходимо увидеть Владимира Ильича, но к несчастью ни Владимир Ильич, ни Григо-

рий Евсеевич не опознали товарища, он же настаивает и говорит, что ему необходимо иметь свидание; держали совет, и решено было в случае чего пойти на крайность, но к счастью оказались свои. Таким образом, приходилось принимать товарищей, первое время подвергаясь постоянной угрозе прибытия непрошенных гостей; но, несмотря на все это, ни Владимир Ильич, ни Григорий Евсеевич не теряли присутствия духа и относились ко всем неудобствам весьма хладнокровно.

Внешний вид сарая, на чердаке которого скрывался тов. Ленин.

Но как не прелестны удобства чердака, а, однако, положение не из совсем приятных: каждую минуту мог кто-нибудь заметить, и поэтому пришлось подумывать о более безопасном месте. „Время сенокосное, а что если Владимир Ильич и Григорий Евсеевич под видом косарей переселятся на сенокос", тем более, что после преобразования их наружности и стрижки, они были весьма похожи на таковых. Идея хорошая, и Владимир Ильич и Григорий Евсеевич таковую одобрили, да и чердак-то по всей вероятности неособенно нравился изгнанникам. Так свежий воздух переманил Владимира Ильича и Григория Евсеевича.

Сенокос расположен за Разливом (небольшое озеро), приблизительно водою 4 версты, за лесом около 1½ версты. Тут уже атмосфера другая, нет той публики, населяющей дачные места. Она здесь редко показывается. Постоянные обитатели здесь—трудящиеся, рабочие косари, которые не разыскивают скрывшихся вождей рабочего движения. Чердак сменился другим жилищем, теперь еще меньше по об'ему «шалашем», сделанным из веток и сверху покрытым сеном. Да, этот «шалаш» нужно бы назвать «штабом революции», потому что здесь Владимир Ильич с Григорием Евсеевичем совершенно спокойно занялись работой, и работали, подготовляя планы, взвешивали силы рабочих и при мирной обстановке могли спокойно и точно решать те или иные вопросы.

Так в этом шалаше начали жить тов. Вл. Ильич и тов. Григорий Евсеевич; тут же рядом и кухня устроена, на кольях висит котел, греется чай. Но ночью невыносимо надоедливые комары совершенно не дают покоя; как от них не прячься, а они достигают своего, и не редко приходится быть искусанным, но ничего не поделаешь, не все отлично.

Приезжали и товарищи, совершающие чуть ли не кругосветное путешествие на всех видах транспорта передвижения: сперва на допотопной железной дороге, затем на лодке через Разлив, и завершая дальнейшее путешествие пешком.

Было устроено так: приезжает какой-либо товарищ преимущественно ночью, заходит на старую квартиру, затем оттуда его провожает сын Емельянова, Кондратий, и доставляет к шалашу. Помню, как товарищи радушно встречались. Беседовали, а затем к рассвету нужно было и удаляться. Интересный произошол эпизод с оповещением тов. З. И. Лилиной, жившей в то время около станц. Тарховка; ей нужно было сообщить место нахождения Григория Евсеевича: хотя они оба жили по соседству, но тов. З. И Лилина об этом соседстве ничего ровно не знала. Сообщить надо, но надо сделать это так, чтобы не подать тени подозрения, так как тов. З. И. Лилина жила у своих родных, имеющих прислугу, а эту прислугу, кто ее знает, может быть через посредство ее следят за каждым

движением тов. З. И. Лилиной. Решили нарядить Надежду Кондратьевну торговкой, специально купили курицу и в указанный дом она пошла продавать ее. К несчастью тов. З. И. Лилиной не нужна была курица, и она через прислугу сообщила мнимой торговке, что курица не нужна. Но тут тов. З. И. Лилина сама вышла и по поданному знаку торговкой поняла, что торг здесь не из-за курицы. Торговка выходит, а тов. З. И. Лилина за ней. В это время передается записка. Тов. Лилина прочитав, забыла всякую осторожность и намерена броситься на шею торговке, но по предупреждающему взгляду не выдать секрета—приходит в себя. Так был сообщен тов. З. И. Лилиной адрес, куда необходимо притти, затем указанным путем она была перевезена к месту пребывания Владимира Ильича и Григория Евсеевича.

Путь этот довольно оригинальный, многие тов. весьма довольны оставались этим путешествием. Ночь. Ни зги не видно. Кругом тьма. Отчаливаешь от берега, погружаешься в какую-то тьму, напрасно напрягаешь зрение, чтобы увидеть хоть малейшее очертание берегов, и так едешь, как бы в бесконечную даль. Проходит с 3/4 часа, и только в момент причаливания замечаешь берег. А затем, так же лесом, при полнейшей тишине; только и слышно лишь стрекотание кузнечиков. Через 1/4 часа выходишь на поляну и только при осведомлении узнаешь, что пришли к месту.

Таково впечатление, которое испытывал каждый товарищ, приезжавший к Владимиру Ильичу и Григорию Евсеевичу. В изгнании оба они чувствали себя не совсем плохо, пользовались моментом отдыха и, как они выражались, лучшего они и не желали получить в нынешнем году отдыха: кругом все прелести природы. Разлив (озеро)—прекрасное место для купания, и Владимир Ильич и Григорий Евсеевич не упускали случая, и частенько ходили купаться в Разлив. Лес—прекрасное место для охоты, и тут Григорий Евсеевич, под видом охотника, вздумал как-то пройтись с ружьем. Однако, из этой охоты чуть не вышло беды. Григорий Евсеевич пошел побродить к озеру с ружьем, но в это время охота еще не была разрешена;

прогуливаясь, Григорий Евсеевич набрел на лесника К. Аксенова, который, как блюститель порядка, конечно, первым долгом отнял ружье, а второе—для составления протокола стал допытываться фамилии, которая, конечно, ему не была сообщена. Дело не из прекрасных: лесник Аксенов мог узнать Григория Евсеевича и, конечно, мог сообщить туда, где не желательно было, чтобы знали, а затем и заманчиво: ведь Владимир Ильич и Григорий Евсеевич были оценены в 200.000 руб., сумма громадная в то время, хотя они и ошибались в расценке: ими вожди рабочего класса были слишком дешево оценены; теперь, конечно, они знают цену.

Итак, все эти соображения наталкивали на мысль об опасности быть раскрытым. Тогда мне пришлось это дело уладить. Я пошел сначала вообще узнать, какое впечатление произвел на Аксенова мнимый охотник. Прихожу, спрашиваю: «Михайлыч, это ты отнял ружье у моего работника»; «Да, я», говорит. «Эх Михайлыч! Разве так относятся к товарищу по службе; кажется, вместе четыре года отслужили солдатчины, а ты еще мои ружья отбирать вздумал». „Да как же, откуда я знал, что ружье твое,—ведь он, «чухонская лайба», ни слова по-русски не говорит. Я спрашивал: «чей, кто, ничего не ответил». Удостоверившись, что серьезного ничего нет, и что лесник Аксенов просто принимал Зиновьева за финна, работающего у меня, мы все успокоились.

Владимир Ильич и Григорий Евсеевич ежедневно читали все газеты, какие только выпускались в то время. Газеты доставлялись все тем же путем. Помню, газеты частенько были с заметками, описывающими, каким образом Владимир Ильич и Григорий Евсеевич скрылись за границу: то фигурируют подводные лодки, то аэропланы; а тут на самом деле таки и верно, что через воду да только не на подводной, а на простой однопарной весельной лодке совершился весь переезд. Читая подобные заметки, Влад. Ильич смеялся, называя издателей буржуазных газет «гороховыми шутами»:

Другой раз сидим все у костра, греем чай или варим картошку к ужину, Владимир Ильич дает те или другие указа-

ния ребятишкам, которые старательно их исполняют. Задавал нередко Владимир Ильич вопросы: „Возьмем ли мы власть и сумеем ли мы ее удержать“, и тут Владимир Ильич не переставал думать об этом вопросе, взвешивал его, сравнивал наши силы, и теперь мы видим, и каждый уже скажет: „Удержим!“ Теперь этот вопрос разрешим для каждого, но Владимир Ильич его решил еще прежде, чем взять власть рабочему классу. Итак, буржуазия негодовала, а Владимир Ильич все пишет статью за статьею, занимаясь в своем излюбленном месте, за большим ивовым кустом. Все рукописи отвозились тов. Аллилуеву. Владимир Ильич и Григорий Евсеевич не упускали случая и возможности заняться и физическим трудом. Помню, как оба они, не уступая опытным носильщикам, носили большие копны сена, метали стоги; помню, как Владимир Ильич ловко подавал сено на вилах, и в конце-концов, был сметан большой стог сена. В вечернее время частенько ходили ловить рыбу бреднем с ребятишками. Бредень обыкновенно водят ребята, по пояс в воде, и так помаленьку налавливали на уху. Придут с озера, начинают варку рыбы, чая и так сваривали уху и чай. Поужинав и напившись чаю, садились все у костра; кругом темнота, тишина, только и слышно стрекотание кузнечиков, да изредка чириканье какой-нибудь пичужки; сидим так довольно долго, кто-нибудь о чем-либо рассказывает Но вот уже начинает клонить ко сну, первые засыпают тут же у костра ребятишки, и у нас уже начинается мигание век. Каждый видит, что пора спать. Забираемся в шалаш, маленько тесно, но это ничего, была бы только возможность спрятаться от несносных комаров, да в случае непогоды от дождя да от ветров.

И так живем, а время идет и идет; уже природа дает себя чувствовать. Все чаще и чаще стали поливать дожди.

Помню, с какой внезапностью застал нас первый большой дождь. Утром погода была отличная, чуть лишь маленький ветерок шевелил листья деревьев, солнце было уже высоко. „Сегодня хорошо высохнет сено“, подумал я, затем разжег костер, поставил чаю, к чаю все уже были на ногах. Напившись чаю,

каждый взялся за свое дело. Разостлали сено. Сена было много. Я был доволен сегодняшним днем, думая, что вот высушу сено и можно будет убрать. К несчастью после обеда поднялся небольшой ветерок, затем все усиливался и усиливался и, в конце-концов, перешел в сильный, порывистый ветер. Затем быстро стало заволакивать небо тучами. Я предвидел, что будет сильный дождь и нужно торопиться с уборкой сена; тут Владимир Ильич и Григорий Евсеевич, видя, что громадное количество трудов может пропасть даром, стали помогать в уборке сена. Сено отстояли от дождя, успели убрать. И только что убрали, пошел накрапывать дождик, а затем разразился такой ливень, что шалаш наш, единственное убежище, служившее им до сих пор отлично, на этот раз изменило: ветки и сено, служившие покрытием, промокли, и нас, сидевших в шалаше, начало помаленьку помачивать. Сидим, а у меня в голове одна мысль о сене, что вот его все вымочит, и я совершенно не обращаю внимания, что шалаш наш начинает промокать. А дело не совсем хорошо, дождь неизвестно когда окончится, а впереди ночь, наши покрывала для сна могут промокнуть. Владимир Ильич и начинает бить тревогу, предлагает нам оборудовать наше жилище, сходить в лес за сучьями, покрыть еще сеном, дабы не пришлось бы ночью дрожать от холода, промокнувши насквозь. Предложение Владимира Ильича нашли правильным, и мы дружно принялись за дело. Думали обождать, не стихнет ли дождь хоть на иоту, но напрасно, он и не думал успокаиваться. Ничего не поделаешь, приходится работать под дождем. Взяли топор, кто рубит сучья, кто таскает, и моментально сучья были натасканы; затем, уложив их, покрыли добавочно сеном, и шалаш был исправлен. И весьма кстати, так как в это время дожди уже стали постоянными посетителями.

Постепенно стало все холоднее, и холоднее, и невольно нужно было подумывать о том, что дальнейшее пребывание станет невыносимым. Необходимо стало подыскать другое место проживания, более приспособленное к осеннему времени и к тому же более безопасное. По предложению тов. Шотмана ре-

шено было Владимиру Ильичу переехать в Финляндию, и это было принято: оставаться в этих местах Владимиру Ильичу было бы опасно, так как его каждый буржуазный мальчишка мог узнать, а насчет Григория Евсеевича решили, что он переедет и останется в Петрограде. Устройство Владимира Ильича в Финляндии доверено было тов. Шотману, на обязанности которого лежала задача позаботиться об этом. А мне было задано достать необходимые документы. Воспользовавшись тем, что в местном Сестрорецком оружейном заводе выдавались пропуска на проезд через границу работавшим на заводе и жившим в „Райволе" рабочим, я достал пропуска на проезд через границу за подписью начальника завода Дмитриевского. Оставалось только лишь сняться Владимиру Ильичу и Григорию Евсеевичу и налепить карточки. Для с'емки приехал тов. N с фототрафическим аппаратом. Владимир Ильич и Григорий Евсеевич были выстрижены, загримированы в парики, но фотограф, как неопытный в этом деле, снял неудачно. Тогда вторично приехал т. Лещенко Д. П., который и снял Владимира Ильича и Григория Евсеевича. Документы были готовы, оставалось решить вопрос, каким образом перебраться на новые места. Было решено отправиться пешком через лес в Дибуны, а оттуда в Петроград. Так и было сделано. Тов. Шотман подробно описал этот переезд, а я опишу только лишь последствия этого — мой арест. Тов. Шотман допустил ошибку, говоря, что я будто бы испугался ареста контр-разведчиками и повесил нос. Мною как раз для этого и давались сбивчивые ответы, чтобы заинтересовать собою контр-разведчиков. Это были студенты, дворники и вся прочая шваль. И моя цель была достигнута. Зная, что Владимир Ильич и другие товарищи могли бы подвергнуться аресту этой сволочи, я решил их задержать и заставить проканителиться со мною. И эта операция мне удалась. Задает юнкер, напр., мне вопрос: „Кто ты?". Умышленно вру фамилию: „Я — рабочий Сестрорецкого оружейного завода Иванов". „Зачем сюда пришел?". „Зашел напиться воды". „Откуда пришел, как сюда попал?". „Иду я с надела, рубил дрова". Тогда он спрашивает: „Знаешь ли, кто такой

на Сестрорецком оружейном завод Греч?". „Врач завода", отвечаю я, подлее которого трудно найти". От тут рассвирепел. „Знаешь ли, кто я?"—„Я племянник врача Греча?". Смотрю, что мое желание исполняется: их уже накопилось человек 20 и все глазеют. „Знаешь ли ты, кто такие большевики?". „Знаю". „А кто?". „Говорят, что люди хорошие". „А ты не большевик?". „Нет". „А то смотри, мы большевиков сразу расстреливаем". „Расстреливайте! Руку, наверное, набил этим дельцем". Тут уж он у меня совершенно рассвирепел. К этому времени подошел поезд, идущий в Петроград. Главарь всего контр-разведочного отряда, которому необходимо было осмотреть настоящий поезд, упустил на этот раз свою обязанность, занявшись со мной. Таким образом, товарищи не подверглись опасности. Тут же вскоре пришел другой поезд, почти встречный из Петрограда, тогда меня повели к поезду. Они до того освирепели, что при попытке моей оглянуться, одни из храбрецов, поставивши револьвер в спину, грудным возгласом прокричал: „Застрелю, сволочь, не оглядывайся". А меня беспокоила мысль, удалось ли товарищам сесть на поезд. Меня посадили в вагон. Но мне удалось благополучно избежать последствий, могущих возникнуть из моего ареста. Сижу в вагоне один, со всех сторон закрыто. Таким образом доехал до Белоострова. Но здесь постоянно делается обыск, и на мое счастье осмотрщиком оказался старший унтер-офицер, тов. Смирнов, бывший депутат Сестрорецкого Совета от команды об'ездчиков, сочувствующий большевикам, мой хороший знакомый еще со старых времен, когда возили оружие. Увидав меня, он посоветовал мне как можно скорее скрыться, что я и не замедлил сделать.

Николай Емельянов.

В шалаше у Ленина.

Через несколько дней Сталин предложил мне поехать к Ленину, чтобы, с одной стороны информировать Ленина, с другой—получить от него директивы. Мне был дан адрес одного рабочего, жившего недалеко от Сестрорецка (не доезжая одну или две станции) и пароль. С большой осторожностью я взялся за это, боясь, как бы не подцепить шпика и не провалить местопребывание Владимира Ильича. Прибыл я на станцию ночью. Побродив немного, я нашел дом, в котором жил упомянутый рабочий. Самого рабочего не оказалось дома. Приняла

Внутренний вид шалаша (близ ст. Разлив), в котором т. Ленин проживал после июльских дней 1917 года до Октябрьской революции.

меня жена его. Я сказал пароль, но тут вышло у нас большое недоразумение. Мне не сказал тов. Зоф ответного пароля—и мы запутались. Жена товарища, с одной стороны, не сумела скрыть, что она знает, где Ленин, а с другой—решительно отказалась указать, где именно он. Начал я ее убеждать, что я свой человек, что прислан от ЦК, но она была неумолима. Я чувствовал себя в высшей степени неловко. Мне надо видеть Ильича, мне хочется видеть его, как никогда, и в то же время

чувствую, что поступаю плохо, уговаривая мою собеседницу нарушить порядок конспирации. Я окончательно потерял надежду и собирался было итти, когда она остановила меня и позвала своего 9—10-летнего сына и отправила с ним. Мы пошли к озеру, сели в лодку и, переправившись на другой берег, пошли по кустарнику. Я решил, что тов. Ленин живет на какой-нибудь даче. Шел покорно за своим молодым провожатым. Вдруг мы остановились около небольшого сенокоса, где стоял небольшой стог сена. Мальчик окликнул по имени кого-то. Я ничего не понимал. Вышел какой-то человек. Он оказался отцом этого мальчика. Поздоровались с ним. Об'яснил ему в чем дело и т. д. Думаю дальше поведет к Ленину. В этот момент подходит ко мне человек с бритой бородой и усами. Подошел и поздоровался. Я ответил просто, сухо. Тогда он хлопает меня по плечу и говорит: „Что, тов. Серго, не узнаешь"? Оказалось что со мною говорит тов. Ленин. Я восторженно пожал ему руку; тут же оказался тов. Зиновьев, отпустивший бороду и усы, (что довольно сильно изменило его физиономию). Пошли разговоры. Через несколько минут Ильич предложил мне поужинать с ними. Оказалось, что у них самих ничего нет: кусочек черного хлеба и селедка. Вот и весь ужин их.

После этого «ужина» беседу перенесли в «аппартаменты» Ленина, Зиновьева. Таковыми являлся стог сена, в который мы и влезли. Свежее сено пахло великолепно, было тепло. Долго я им рассказывал, что делалось в городе в их отсутствие, каково настроение среди рабочих, солдат, что делается в нашей организации, в Петроградском Совете, в меньшевистском ЦИК'е и т. д. Владимир Ильич, выслушав меня и задав ряд вопросов, сказал: меньшевистские Советы дискредитировали себя; недели две тому назад, они могли взять власть без особого труда. Теперь они не органы власти. Власть у них отнята. Власть можно взять теперь путем вооруженного восстания, оно не заставит ждать себя долго. Восстание будет не позже сентября-октября. Нам надо перенести центр тяжести на фабзавкомы. Органами восстания должны стать фабзавкомы. Надо изменить лозунг и сказать вместо «вся власть советам», «власть фабзавкомам».

Все это я слушал с напряженным вниманием. Впечатление было ошеломляющее. Нас только что расколотили, а он предсказывал через месяц-два победоносное восстание. Вместо «власть советам»—«власть фабзавкомам». Это еще больше ошеломило меня, когда я передал слова одного товарища (кого именно — не помню), что не позже августа-сентября власть перейдет к большевикам и что председателем правительства будет Ленин. Ильич, совершенно серьезно, ответил, что «да, это так будет», и что он будет через 1—2 месяца председателем большевистского правительства. Далее Ильич дал ряд директив, как вести работу, как сейчас же создать наряду с легальным ЦК нелегальную ячейку того же ЦК, наряду с легальным органом—нелегальную типографию, чтобы договаривать в нелегальных листках то, что не дадут говорить в легальной прессе.

Далее разговор был прерван, так как я от усталости незаметно уснул. Утром, вместо 6 часов, я проснулся в 11 часов. К этому времени Владимир Ильич приготовил ряд маленьких статей, письма к Сталину и другим товарищам. Я взял их, попрощался и ушел. Вскоре мне еще раз пришлось съездить к Ильичу; возил к нему т. Шотмана, который устроил перевозку Владимира Ильича в Финляндию, и больше Владимира Ильича я не видел до 24-го октября, когда он впервые открыто появился в актовом зале Смольного.

С. Орджоникидзе.

Книжка рабочего Сестрорецкого оружейного завода, служившая В. И. Ленину „видом на жительство", когда он скрывался от преследований правительства Керенского.

Ильича разыскивают.

(Телеграмма начальника городской милиции всем комиссариатам о розыске т. т. Ленина и Зиновьева в июльские дни).

Мною от судебного следователя по особо важным делам Александрова получен сегодня ордер следующего содержания: Начальнику Петроградской милиции. *Владимир Ильич Ульянов* (*Ленин*), *Овсей Гевш Аронович Апфельбаум* (*Зиновьев--Радомысльский*) привлечены в качестве обвиняемых в преступлении, предусмотренном 50, 100 и 108 статьями Уголовного Положения и подлежат в порядке 389 и 390 статей устава уголовного судопроизводства приводу к следствию (Фонтаника, 16) для допроса в качестве обвиняемых. В виду полученных сведений о пребывании означенных лиц в Петрограде, прошу сделать распоряжение о розыске названных лиц и приводе их для допроса в качестве обвиняемых. Предлагаю комиссарам принять вышеизложенное к срочному исполнению.

За и. д. Начальника Городской Милиции *Лауб*.

Партия защищает Ильича.

(Из резолюции шестого с'езда партии, принятой в дневном заседании 27 июля 1917 года).

Считая, что устанавливающиеся теперь приемы полицейско-охранных преследований и деятельности прокуратуры восстанавливают, как то признал и Центральный Исполнительный Комитет Советов Рабочих и Солдатских депутатов, нравы щегловитовского режима, полагая, что при таких условиях нет обсолютно никаких гарантий не только беспристрастного судопроизводства, но и элементарной безопастности привлекаемых к суду, с'езд Р. С.-Д. Р. П. выражает свой горячий протест против возмутительной прокурорско-шпионски-полицейской травли вождей революционного пролитариата, шлет свой привет т. т. Ленину, Зиновьеву, Троцкому и др., надеясь увидеть их снова в рядах партии революционного пролетариата.

В подполье в Финляндии.

В последние дни сентября 1917 года в среде рабочих Петрограда и Москвы и вообще России большевики имели сильное влияние. Тысячами и десятками тысяч рабочие становились в ряды борющихся. Шансы Временного правительства приостановить революционное движение трудящихся уменьшались изо дня в день.

Ставка Корнилова на контр-революцию оказалась битой. Призыв „Вся власть Советам!“ несся со всех уголков России. Даже из глухой провинции поступали сведения, что и здесь, среди беднейших и малоземельных крестьян этот призыв сплачивает их ряды, не говоря уже об армии, которая все более и более решительно становилась на революционный путь,— солдаты отказывались воевать и массами оставляли фронты.

Товарищ Владимир Ильич Ленин по постановлению Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. (б.) проживал в это время в Гельсингфорсе (Финляндия) у тов. Ровио. Но так как из Гельсингфорса

связь с Центральным Комитетом партии, находившемся в Петрограде, оказалась затруднительной, то явилась необходимость устроить Ильича где-нибудь поближе. Обратились ко мне. Я с радостью согласился дать ему приют у себя в Выборге.

В воскресенье, 30 сентября, в день, назначенный для приезда Ильича, я, встав рано утром и приведя комнату в надлежащий вид для приема дорогого гостя, пошел в город. Моя квартира находилась в рабочем квартале города, в так называемой „Таликкала".

От радости, что мне предстоит принять вождя русского революционного пролетариата, я шагал легко и быстро.

Дом в Таликкала, в Выборге, где Ильич проживал у т. Латуки с 30-го сент. по 20-ое окт. 1917 г.

„Привезти" Ильича из Гельсингфорса должен был тогдашний главный редактор местной рабочей газеты Хуттунен, на квартиру которого я и направился. Дверь открыли. Меня провели в комнату. „Где-же Ильич? Дайте мне его увидеть поскорей".—В ответ на мои слова Хуттунен сказал: „Пришел за ним. Сейчас увидишь, обожди минуточку",—и вышел.

Немного погодя, Хуттунен позвал меня, сказав, что, т. Иванов (Ильич получил паспорт на имя рабочего Сестрорецкого оружейного завода—Иванова) ждет меня на кухне. Владимир Ильич сидел у стола и завтракал. Я поздоровался. „Меня

зовут Ивановым",—потихоньку сказал он мне, причем по его глазам можно было прочесть: „не спутайте меня, Иванова, с кем-нибудь другим, разыскиваемым по всей России Керенским и его компанией".

Побеседовав немного, мы с Хуттуненом отправились на собрание, а Ильич остался у него до вечера. И только вечером, забрав „багаж" (три кипы газет и кое-какой скарб) и наняв извозчика, мы отправились по направлению к моей квартире.

Комната и в особенности книжный шкаф и полка с большим количеством русской подпольной партийной литературы — понравились Ильичу. Получив утвердительный ответ на свой вопрос: „значит эту квартиру, вы, товарищ, предоставляете мне?"—Ильич пожал мне руку и сказал: „здесь я смогу хорошо поработать".

И, действительно, в своем новом „рабочем кабинете" он работал. Часы рабочего дня были распределены у него точно. Установлены были определенные часы, когда вставать утром, для обеда и ужина, для бесед и дневного отдыха. Только время, когда ложиться спать, не определялось: „Ну, это будет зависить от продуктивности истекшего дня, чтобы не осталось чего-либо недоделанного",—сказал Ильич, добавив: „хотя мы и требуем для рабочих 8-ми часового рабочего дня, и даже 6-ти часового в некоторых отраслях, мы, как партийные работники, не считаемся со своим рабочим временем". И этот план Ильичем выполнялся точно. Отступления от него допускались им только тогда, например, когда из Петрограда приезжали товарищи.

Уже в 7 часов утра Ильич сидел у письменного стола. Каждое утро, уходя на работу (я был сотрудником местной рабочей газеты „Тюэ"—„Труд"), я заглядывал к нему в комнату, так как Ильич просил никогда не уходить, не предупредив его. Он всегда справлялся, когда вернусь, просил сообщать новости и т. д. „Следите за телеграммами „Роста", я боюсь и очень боюсь, как бы мы не прозевали момента. Ведь при вспышке революции мы должны быть на месте",—говаривал он мне. И я

давал обещания следить за телеграммами, исполняя его поручения.

Дни уходили. Мы очень подружились; беседовали, когда Ильич уставал от чтения или письма. Шутили иногда. Интересно и поучительно было слушать его рассказы про свою жизнь в эмиграции, при этом Ильич говорил: „быть может и вам, товарищи (т.-е. финнам), придется еще в жизни своей жить в подполье или эмигрантами". И он, как это показали затем последовавшие в 1918 г. события, — не ошибся.

В моей памяти осталось несколько интересных эпизодов из жизни Ильича у меня.

По газетам он усердно следил за событиями в России и в других странах. Почту с утренними петроградскими газетами (они получались в Выборге в 11 час. утра) он ожидал, как голодный обеда. Интересно было смотреть, как бегали его глаза по столбцам газет, ни одна малейшая заметка не ускользала от его глаз. „Нельзя ли достать газет крайних правых партий?" — спрашивал он, и приходилось доставать.

Особенно набрасывался Ильич на черносотенные газеты. Ведь они критиковали шаги Временного правительства и указывали на те силы, группировки, которые способны были на контр-революцию. А это нужно было Ильичу для его статей, которые он писал и которые мною отправлялись в Петроград.

Событиями местного характера Ильич также интересовался. Узнав, что я, в качестве представителя Ц. К. выборгских рабочих организаций, часто бываю в Выборгском Совете рабочих и солдатских депутатов, он дал мне задание выяснить отношение Выборгского гарнизона к большевикам на случай захвата последними власти в Петрограде. Эту задачу я легко выполнил, благодаря т.т. Ракову и Половому, которые имели точные сведения о настроении квартировавших в Выборге полков.

Ильич давал ценные указания, как в дальнейшем вести работу среди армии. Впервые он также указал на необходимость тесной связи между русскими войсками и финскими рабочими организациями.

В Выборгский Совет часто приезжали докладчики. Во время пребывания Ильича в Выборге предполагалось, между прочим, выступление с докладом о текущем моменте эс-эрки Марии Спиридоновой. Узнав об этом, я сообщил Ильичу. Но лучше было бы ему об этом не говорить, ибо Ильич тотчас же начал обсуждать вопрос, как ему поступить, чтобы присутствовать на данном докладе. И, несмотря на то, что я указал ему на полную недопустимость такого шага, он настаивал на своем-„прослушать Спиридонову сейчас, в данный момент, политически мне очень важно и полезно". „Этого я не отрицаю, товарищ„,—ответил я,—„но по многим причинам вас нельзя устроить без риска быть захваченным агентами Временного правительства".

На счастье у меня мелькнула мысль, с которой Ильич тотчас-же согласился. Я обещал сам быть на докладе и взять с собой одного товарища, знающего стенографию. „Полная проверенная стенограмма будет в ваших руках на другой же день после доклада",—сказал я Ильичу. На следующий день получилось известие, что доклад Спиридоновой не состоится. Дома я передал это Ильичу, и он успокоился и, шутя разбирал вопрос, какая кара была бы для меня от партии в том случае, если бы я не удержал Ильича, и он на докладе был бы арестован.

Когда стало ясно, что второе коалиционное правительство стоит наканyне своего падения, Ильич попросил приносить ему и вечерние газеты.

С этой целью я бывал в городе и по вечерам. Не помню, 6-го или 7-го октября, я получил вечерние газеты, содержавшие официальное сообщение о перемене кабинета. Ильич, узнав, что в новый состав правительства входят Гвоздев, Ливеровский, Кишкин и пр., глубоко вздохнул и сказал: „значит, наконец, последнее правительство Керенскаго сформировано". Хотелось ему сказать, что, следовательно, следующее—будет правительство „тов. Иванова", но все-же не сказал, так как прочел это уже в его ярких глазах.

В те-же дни было получено из Москвы сообщение, что на выборах районных дум большевистский список собрал значительное количество голосов. В какой-то газете, хорошо не помню—в какой, было сообщено еще, что, из 17.000 солдат московского гарнизона, 14.000 дало свои голоса большевистскому списку. „Я не понимаю, почему при таких обстоятельствах они не берут власти в свои руки?!“—вырвалось у Ильича.

Ильич жил революцией и сам бурлил, как революция.

Помню, что он два-три раза писал довольно длинные письма в Петроград товарищам, руководившим движением, в которых отмечал, „что история никогда не простит нам, если мы не возьмем власти в свои руки теперь“.

На одно свое письмо Ильич по каким то техническим причинам не получил ответа. Тогда он написал новое письмо, где указывал, что он сам, без разрешения ЦК партии, выйдет из подполья и прибудет в Петроград руководить революционным движением пролетариата. И только приезд тов. Шотмана помешал ему исполнить свое решение. Помню, каких трудов стоило тов. Шотману уговорить Ильича остаться еще на неделю.

Ильич согласился, но тов. Шотман должен был написать на клочке бумаги, что он, Шотман, от имени ЦК партии, не разрешает самовольного приезда Ильича в Петроград. „А подпись?“—заметил Ильич,—„поставь и дату“. Эту историческую бумажку я взял от т. Шотмана и сунул в ящик комода. Там она осталась после Ильича и, после моего бегства и при власти белых в Финляндии, моими родственниками, из опасения репрессий со стороны белых, была сожжена.

В последнюю неделю пребывания Ильича у меня, он с раннего утра до поздней ночи работал, готовился к назревающим событиям.

В субботу, 20-го октября, прибыл, наконец долгожданный т. Эйно Рахья, с поручением от ЦК партии доставить Ильича в Петроград. Времени не стали терять. Смастерили парик, сделавший нашего Ильича неузнаваемым—финским пастором.

При расставании я пожелал Ильичу счастливого пути и успеха в разрешении политических вопросов порядка дня в

России. „Следуйте нашему примеру“,—был сердечный ответ Ильича, и они вышли. Сели на трамвай и скоро были на вокзале. Поезд в 2 ч. 35 м. дня дал свисток. „Октябрьская революция“ была на пути в Россию. На станции Райвола наши путешественники оставили площадку вагона; часа через два Ильич на тендере паровоза, на котором машинистом был т. Ялава, с т. Эйно Рахья в первом вагоне поезда, переехали границу и на станции Ланская оставили поезд.

Ю. Латука

Две встречи.

В дополнение печатаемых воспоминаний будет не лишним вспомнить здесь о двух встречах, какие пришлось мне пережить в памятные дни октября с. т. Зиновьевым и т. Лениным. Это было буквально за несколько дней до октябрьского восстания. Атмосфера была заряжена электричеством. Чувствовалось такое напряжение, какого люди, вероятно, дотоле не испытывали никогда. Это чувство теперь трудно передать словами, но кто его пережил, не забудет его никогда. Как будто в природе и в душе все было натянуто, как струна: натянута, вот-вот зазвенит и оборвется.

В нашу военную организацию рабочие, не говоря уже о солдатах, ходили сотнями. Спрашивали: „Скоро? Пора бы начать?..“ Иные покачивали головами и тихо говорили: „Надо начинать..., иначе все пойдет прахом“. Шла лихорадочная работа. Доставали оружие откуда и где могли. Солдаты в наших частях просто десятками брали винтовки и передавали их нашим рабочим дружинам. Не было рабочего дома, где бы не имелось оружие. Но всего этого было еще недостаточно. Центр нашей военной организации, имевшей в те дни колоссальное первенствующее значение, ибо это был боевой штаб, на котором лежала задача технически провести восстание и захватить власть, бесперерывно обсуждал вопрос, как и когда именно

начать операции. Центральный комитет партии уже вынес решение о необходимости начать восстание, директива его была обязательна для нас, но мы, наученные горьким опытом июльских дней, медлили и обдумывали план выступления. Многое еще было не подготовлено, многое нужно было наладить, многое исправить, а кое-где имелись прямо вопиющие пробелы. Мы имели прекрасную базу и Петербурге, довольно прочно чувствовали себя в Москве, хороший оплот имелся в Кронштадте, прочные связи были завязаны на северо-западном фронте и в других частях действующей армии. Но мы не были уверены в Финляндии, кое-какие опасения внушали нам близ лежащие пункты, как, напр., Дно, Луга; довольно неопределенное настроение наблюдалось и среди казаков.

На одном из последних заседаний Бюро военных организаций голоса разделились, и, насколько мне помнится, я и т. Подвойский высказывались за выступление, но с отсрочкой недели на две, т. Механошин высказывался за немдленное выступление, очень энергично его поддерживал т. Менжинский, а т. т. Крыленко и Размирович занимали позицию среднюю между нами и сторонниками немедленного выступления.

Таким образом, окончательное решение было в том духе, что военная организация напрягает все силы и подготовляет выступление, день которого будет определен Центр. Комитетом. 15-го октября состоялось закрытое заседание Пет. Ком. нашей партии, где после доклада члена ЦК А. С. Бубнова мною был слелан доклад от имени Военной организации. В докладе я согласно директиве Бюро В. О., не отказываясь в случае надобности от немедленного выступления, все же указывал на необходимость более тщательной подготовки. П. К. принял несколько практических постановлений, но радикально вопроса не решил.

Выйдя из помещения П. К. и возвращаясь домой, я чувствовал, что восстание близко и что дело нескольких дней, как вопрос будет разрешен жизнью.

На другой день вечером, часов в 9, в помещение нашей Военной организации на Литейном зашел, если не ошибаюсь,

т. Шотман и предложил мне повидаться с т. Зиновьевым. Я очень обрадовался. Радость эта об,яснялась как тем, что я был связан узами старинной товарищеской работы еще с 1906 года в Петербурге, так в особенности тем, что хотелось узнать, как смотрит на дело он сам и т. Ленин, с которым он вместе делил конспиративную жизнь. Повидать т. Зиновьева, на которого так покушались враги революции, очень хотелось, хотя и было боязно провалить его своим посещением.

Мы вышли из дома Военной организации и, осторожно наблюдая вокруг себя, пробрались на Выборгскую сторону, сели в трамвай и покатили в Лесной.

Шел проливной дождь. Было темно, грязно и холодно. Высадившись на какой-то остановке, мы еще более осторожно зашагали по лужам, утопая по колена в грязи и воде. Шли мы довольно долго и очень скоро свернули в такую грязную и темную улицу, что буквально плыли по грязи. Через несколько минут мы остановились около небольшого домика, и мой спутник осторожно стукнул в окно. Нам открыли дверь, мы вошли и очутились в теплой, чистой и светлой комнате. Там, улыбаясь, стоял тов. Зиновьев, неузнаваемый и чужой с совершенно измененной наружностью. Нет его пышной шевелюры, какое-то бритое актерское лицо. Тут же посмеиваясь топтался как всегда спокойный Михаил Иванович Калинин.

Расцеловались, уселись за стол, и за стаканом чая полилась тихая, но горячая беседа. Спрашивал т. Зиновьев, отвечал я, а Михаил Иванович Калинин вставлял свои остроумные, насыщенные практикой и знанием рабочих настроений, замечания. Я был поражен прежде всего той удивительной осведомленностью, какую обнаружил т. Зиновьев. Он знал не только то, что и как думали наши организации, но довольно правильно оценивал и настроение масс. Оставалось только удивляться, как это могли люди, заброшенные в лесу, оторванные от живой действительности, давать правильную оценку той ожесточенной борьбе, какая кипела кругом. Подробно и внимательно расспрашивая даже о мельчайших деталях этой борьбы, т. Зиновьев тоже как будто бы склонялся к тому, что нужно тщательно и

обдумано подготовиться к тому удару, который мы собирались нанести нашему врагу, чтобы не оказаться в еще более тяжелом положении, чем мы оказались в июле 1917 года.

Тов. Калинин, молча слушавший в последние моменты наш разговор, вдруг с хитрой улыбкой заметил: „А восстание все-таки будет, и будет гораздо скорее, чем мы все ожидаем. И не надо этому противиться. Надо это понять, и тогда разрешатся все сомнения и колебания". Тов. Зиновьев задумался на мгновение и затем снова кратко, но ясно указал те слабые пункты нашей подготовки, которые нам, людям, непосредственно кипевшим в суматохе организационной, были не заметны или не видны. Он метко и без юмора указал на наши промахи, и мне только оставалось в душе благодарить и его и тов. Калинина за те указания, которые били в самые больные наши места.

Дождь продолжал лить, завывал ветер в трубе, и я с беспокойством прислушивался всякий раз к его порывистым ударам в ставни, принимая их за стук непрошенных гостей: была боязнь, как бы я не привел в квартиру т. Калинина непрошенных гостей. Это могло, конечно, случиться. Каждым из членов Военной организации, даже таким маленьким и рядовым, как я, контр-разведка могла воспользоваться, чтобы выследить убежище такой ценной для нее добычи, как т.т. Ленин и Зиновьев. Последний с улыбкой говорил: „Мы здесь как за стенами крепости".

Нужно, однако, было итти. Мы простились. „Ну, сказал товарищ Зиновьев, скоро встретимся в более благоприятных условиях! Всего хорошего. До скорого свидания!".

Он не ошибся, через какую-нибудь неделю и он и т. Ленин уже не скрывались, а полным голосом и не боясь контр-разведки Керенского на весь мир говорили от имени пролетариата всей России.

Уже другим путем, но все так же осторожно мы возвратились назад, хотя меня всю дорогу не покидало тревожное чувство, а не привел ли я т. Зиновьеву непрошеного соглядатая.

Другая встреча, отчасти уже мною описанная, произошла с т. Лениным уже дня за три до восстания.

Причины этой встречи были все те же: неопределенность положения, какое заняло наше Бюро. Пренебрегать такой крупной и важной организацией, как наша Военная, было, конечно, нельзя, но и оставлять дело в таком положении, в каком оно находилось, было тоже невозможно. Когда Владимир Ильич жил в Петербурге, он нередко сам присутствовал на наших военных заседаниях, причем мало обращал внимания на наши разглагольствования, но зато внимательнейшим образом прислушивался к голосу солдат. Так, я никогда не забуду одного заседания, происшедшего вскоре после отмененной меньшевиками нашей демонстрации 10-го июня. На все наши длинные рассуждения, что и как нужно сделать, Владимир Ильич задал простые вопросы: что и где нами сделано, где и какие связи в полках у нас есть и на какие силы мы расчитываем. Тогда мне казалось это даже мелочным. „Ну, чего допрашивать, думал я: ведь есть и связи и силы, так о чем разговаривать. Начинай демонстрацию и баста" Когда же Владимир Ильич основательно выпотрошил нас, то оказалось, что и то не предусмотрено, и то не доделано, и то упущено. Было конфузно и досадно за свое ничем не оправдываемое самомнение и хорошо было вместе с тем, ибо чувствовалось руководство и полезные указания. Теперь же, когда нельзя было посоветоваться с Владимиром Ильичем, порой казалось, что попал в какую-то дыру, из которой никак не вылезешь. И то не так, и это не так, а как сделать, не с кем и посоветоваться.

Поэтому, когда тот же т. Шотман тоже вечерком внезапно появился у нас на Литейном и предложил нам с т. Подвойским отправиться к Владимиру Ильичу, мы с радостью выскочили на улицу и отправились все в те же места, что и незадолго до того. Теперь мы уже следили за каждым своим шагом. Нам казалось подозрительным малейшее необычное явление уличной жизни. Но все как будто бы шло благополучно. Вдруг почти у самой цели путешествия, когда мы шли пешком, рядом с нами появился велосипедист: он то немного отставал от нас, то, да-

леко уйдя вперед, выжидал нас и снова ехал медленно. „Шпик!“ шепнул кто-то из нас. „Шпик!“ прошептали затем мы все втроем. „Пойдем назад“, решили мы. Слишком необдумано было бы рисковать Владимиром Ильичем ради того, чтобы он как следует прочел нам товарищескую нотацию за наши колебания и нерешительность.

Но т. Шотман был неумолим. „я вас должен доставить на место во что бы то ни стало“, говорил он: „и плохие мы были бы революционеры, если бы не сумели провести шпика“. Он круто повернул в какую-то улицу, и очень скоро мы потеряли из виду велосипедиста. Все же, когда мы вошли в квартиру покойного ныне Мити Павлова, где ожидал нас Владимир Ильич, мы попросили его хорошенько обследовать местность, и только тогда, когда он точно установил, что усмотренный нами велосипедист даже не показывался вблизи и что никаких тревожных признаков нет, мы успокоились.

Войдя в комнату, мы прямо ахнули: перед нами был совершенно чужой человек, а не наш обычный Владимир Ильич, так искусно изменил он свою наружность. После радостной встречи, началась беседа, содержание которой кратко уже было описано и мной, и т. Антоновым, и т. Подвойским.

Мне только хочется здесь подчеркнуть, с каким огромным запасом веры в наше дело я выходил от Владимира Ильича. От моих сомнений не осталось и следа. Мне потом пришлось поехать в Гельсингфорс к т. Смилге и Дыбенко, чтобы условиться с ними о совместных действиях и помощи, и, возвращаясь обратно в Петербург, я уже не сомневался в успехе.

Мне не хочется рисовать Владимира Ильича каким то богом или бесплотным духом, но я должен сказать, что в его словах звучала железная логика марксистского метода, непоколебимая твердость и энергия тех масс, интересы которых он выражал и отражал, и именно потому, что в его голове претворились и концетрировались эти желания и мысли десятков миллионов трудящихся масс, а его сердце билось как сердце этих десятков миллионов человек, именно потому, что он как центр впитал в себя и страстное желание этих масс победить,

и несокрушимую энергию преодолеть все, и суровую решимость не бояться жертв во имя же интересов трудящихся, и великий разум великого народа, именно поэтому он был, как всегда, и вождем этих масс и слова его были уже не просто слова, а живые факты жизни. А факты убеждают лучше всего.

В. Невский.

НАКАНУНЕ ОКТЯБРЯ.

Ленин и партия накануне октября.

За короткие месяцы керенщины партия переживает одну из богатейших эпох своего развития. Численность партии ко времени всероссийской апрельской конференции 1917 года достигает 80 тысяч членов. Ко времени 6-го с'езда партии в августе того же года численность партии уже 180 тысяч. Несмотря на то, что после особенно бурного июльского выступления —почти восстания!—рабочих и солдат в Ленинграде партия должна была перейти временно на полулегальное положение, а вождь ее Ленин и некоторые другие виднейшие представители партии должны были конспиративнейшим образом скрываться от белогвардейской сволочи,—партия растет численно, укрепляет с исключительной быстротой свое влияние и свои связи с самыми широкими массами рабочих, а затем и солдат. Большевики, об имени которых еще за несколько месяцев до революции почти никогда не упоминалось в тогдашней легальной прессе, делаются самой видной, самой популярной партией широчайших масс. За несколько месяцев легальности, во время революции, партия под руководством Ленина становится, с одной стороны, центром слепой ненависти и злобы врагов, все больше созвающих, откуда им грозит приближающаяся гибель, и, с другой стороны,—центром внимания, надежд и веры изголодавшихся и измученных рабочих и солдат на фронте.

Партия все силы бросает на связи с массами, на разъяснение стоящих перед ними задач свержения власти буржуазии. Преследования Керенского против нашей партии после июль-

ских событий пытались помешать этому. Продажная пресса и все до смерти перепуганное революцией мещанство сделались орудием чудовищной лжи и клеветы на т. Ленина. Противников империалистской бойни—Ленина и партию большевиков —патриотическая" буржуазия изображала продажными агентами Вильгельма, шпионами Германии. Но все это не смогло остановить дальнейшего укрепления связей между нашей партией и трудящимися массами.

Ленин и в эту пору, когда он писал свои письма в ЦК, сидя в стогу сена под Сестрорецком (в окрестностях Ленинграда), оставался действительно великим руководителем созданной им партии. Он не мог в эти месяцы (июль—октябрь) видеть широкого круга товарищей, встречался только с немногими из них, и то редко; он черпал богатый материал о кризисе революции лишь из пестрого сонма выходивших тогда, главным образом, буржуазных и соглашательских газет и из случайных бесед с отдельными рабочими. Но и этого для него было достаточно, чтобы улавливать трепетное биение революционного пульса.

После июльских событий Ленин уже целиком занят мобилизацией партии к восстанию. С начала сентября он начинает огневую атаку соглашателей, только и дела что колеблющихся, в то время как контр-революционеры перешли уже в наступление, начав с неудачного похода генерала Корнилова на Ленинград. Рост влияния нашей партии, бичующей политику соглашательства и затягивания империалистской бойни, увеличивается с каждым днем. Тогда Ленин пишет письмо ЦК партии в сентябре, начиная его словами:

> „Получив большинство в обоих столичных советах рабочих и солдатских депутатов, большевики могут и должны взять государственную власть в свои руки".

Партия готовится к штурму и захвату власти. Ленин руководит всей подготовкой.

Наконец, в конце сентября Ленин пишет свою замечательную статью: „Удержат ли большевики государственную власть?". Без колебаний в намеченном пути, с чудесной верой в силы

рабочего класса и его партии, он твердо говорит: большевики победят и удержат государственную власть.

Еще накануне 25-го октября господа Гоцы и Мартовы, боящиеся сами власти, как безхарактерные и не верящие в народ мещане, иронизируют над большевиками: вы же не возьмете власть, вы только пугаете других, но бессильны и беспомощны сами. А в это время Ленин издает брошюру „Удержат ли большевики государственную власть?", в которой вопрос о власти ставится с железной решительностью и непобедимой уверенностью в правоте дела:

„Россией управляли после революции 1905 года 130 тысяч помещиков, управляли посредством бесконечных насилий над 150-ю миллионами людей, посредством безграничных издевательств над ними, принуждением огромного большинства к каторжному труду и полуголодному существованию.

„И Россией, будто бы, не смогут управлять 240 тысяч членов партии большевиков (столько было в нашей партии перед Октябрьской революцией. *В. М.*). управлять в интересах бедных и против богатых. Эти 240 тысяч человек имеют за себя уже теперь не менее одного миллиона голосов взрослого населения, ибо именно такое соотношение числа членов партии к числу подаваемых за нее голосов установлено опытом Европы и опытом России, хотя бы, например, августовскими выборами в петербургскую думу. Вот у нас уже „государственный аппарат" в о д и н м и л л и о н людей, преданных социалистическому государству идейно, а не ради получения 20-го числа ежемесячно крупного куша.

„Мало того. У нас есть „чудесное средство" сразу, одним ударом у д е с я т е р и т ь наш государственный аппарат,—средство, которым ни одно капиталистическое государство никогда не располагало и располагать не может. Это чудесное дело—привлечение трудящихся, привлечение бедноты к повседневной работе управления государством".

Гениальный стратег подсчитывал силы и взвешивал бес страшно все аргументы против восстания. Выводы его были снова и снова за немедленное восстание, за опасность каких либо отлагательств или колебаний. Партия, под руководством Ленина, окончательно устанавливает срок восстания—25-е октября—день открытия 2-го С'езда Советов. Но она не теряет и этот сокращающийся с каждым днем срок. Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов, руководимый нашей партией, еще до С'езда Советов организует Военно-Революционный Комитет, на который возлагается задача мобилизации всех революционных сил к восстанию. Накануне 25-го октября в Ленинграде власть фактически уже переходит к этому Военно-Революционному Комитету. Вечером, в канун 25-го октября, в Смольном появляется Владимир Ильич и становится с этого момента в центре событий до последних дней своей жизни.

Подготовка восстания и даже первые недели Октябрьской революции не обошлись без колебаний некоторой части наших товарищей. Эти колебания, как писал тов. Ленин еще в 1920 году, основывались на опасениях, „что большевики слишком изолируют себя, слишком рискованно идут на восстание, слишком неуступчивы к известной части меньшевиков и социалистов-революционеров". Эти ошибки самими товарищам были признаны через короткое время, через несколько недель, самое большое несколько месяцев, и, как говорил тот же тов. Ленин, были вполне исправлены. В дальнейшем виднейшие из этих товарищей были не только всецело с тов. Лениным, но и ближайшими его соратниками во всех перипетиях революционной и партийной жизни. Ленин был тем, кто, несмотря на эти колебания, сплотил всю партию под боевыми знаменами октябрьского восстания. И партия навсегда может гордиться сделанным ею в октябрьские дни.

Осенью 1917 года был момент, когда намеченным партией путем она вплотную подошла к революционному акту, к открытому выступлению,—необходимо было остаться последовательным в тот момент, когда слова и лозунги должны были превращаться в дело, когда революционер от пропаганды и агитации

в массах должен был быстро перейти на головные позиции восстающих рабочих масс. Революционная последовательность и логика событий ставили в этот момент вопрос о непосредственном действии, о вооруженном восстании. Партия под руководством Ленина поняла свои обязанности и стала во главе масс.

В. Молотов.

Большевики должны взять власть.

Письмо тов. Ленина в Ц. К., П. К. и М. К. Р. С.-Д. Р. П. (б-ков.)

Получив большинство в обоих столичных Советах Рабочих и Солдатских Депутатов, большевики могут и должны взять государственную власть в свои руки.

Могут, ибо активное большинство революционных элементов народа обоих столиц достаточно, чтобы увлечь массы, победить сопротивление противника, разбить его, завоевать власть и удержать ее. Ибо, предлагая тотчас демократический мир, отдавая тотчас землю крестьянам, восстанавливая демократические учреждения и свободы, помятые и разбитые Керенским, большевики составят такое правительство, какого никто не свергнет.

Большинство народа за нас. Это доказал длинный и трудный путь от 6 мая до 31 августа и до 12 сентября: большинство в столичных Советах есть плод развития народа в нашу сторону. Колебания эс-эров и меньшевиков, усиление интернационалистов среди них доказывает то же самое.

Демократическое Совещание не представляет большинства революционного народа, а лишь соглашательские мелко-буржуазные верхи. Нельзя давать себя обмануть цифрами выборов, не в выборах дело: сравните выборы в Гор. Думы Питера и Москвы и выборы в Советы. Сравните выборы в Москве и московскую стачку 12 августа: вот об'ективные данные о большинстве революционных элементов, ведущих массы.

Демократическое Совещание обманывает крестьянство, не давая ему ни мира, ни земли.

Большевистское правительство одно удовлетворит крестьянство.

Почему должны власть взять именно теперь большевики?

Потому, что предстоящая отдача Питера сделает наши шансы во 100 раз худшими. А отдаче Питера при армии с Керенским и К⁰ во главе мы помешать не в силах. И Учредительного Собрания „ждать" нельзя, ибо той же отдачей Питера Керенский и К⁰ всегда могут сорвать его. Только наша партия, взяв власть, может обеспечить созыв Учредительного Собрания и, взяв власть, она обвинит другие партии в оттяжке и докажет обвинение.

Сепаратному миру между английскими и немецкими империалистами помешать должно и можно, только действуя быстро.

Народ устал от колебаний м-ков и эс-еров. Только наша победа в столицах увлечет крестьян за нами.

Вопрос идет не о „дне" восстания, не о „моменте" его в узком смысле. Это решит лишь общий голос тех, кто соприкасается с рабочими и солдатами, с массами.

Вопрос в том, что наша партия теперь на Демократическом Совещании имеет фактический свой с'езд, и этот с'езд должен (хочет или не хочет, а должен) решить судьбу революции.

Вопрос в том, чтобы задачу сделать ясной для партии: на очередь дня поставить вооруженное восстание в Питере и в Москве (с областью), завоевание власти, свержение правительства. Обдумать, как агитировать за это, не выражаясь так в печати.

Вспомнить, продумать слова Маркса о восстании: „восстание—есть искусство" и т. д.

Ждать „формального" большинства у большевиков наивно: ни одна революция этого не ждет. И Керенский и К⁰ не ждут, а готовят сдачу Питера. Именно жалкие колебания „Демократического Совещания" должны взорвать и взорвут

терпение рабочих Питера и Москвы. История не простит нам, если мы не возьмем власти теперь.

Нет аппарата? Аппарат есть: Совет и демократические организации. Международное положение именно теперь, накануне сепаратного мира англичан с немцами, за нас. Именно теперь предложить мир народам—значит победить.

Взяв власть сразу и в Москве и Питере (неважно, кто начнет; может-быть даже Москва может начать) мы победим безусловно и несомненно.

Н. Ленин.

Написано в сентябре 1917 г.

Ленин и завоевание власти.

(Из речи произнесенной в заседании Петроградского Совета 6 сен. 1918 г.)

Как в июне 1917 г. тов. Ленин твердо и решительно заявлял „власть брать сейчас нельзя",—так после корниловских дней, особенно с конца сентября 1917 г., Ленин начинает торопить рабочих: „скорее берите власть, не то будет поздно".

Когда после корниловских дней в Петрограде собиралось так называемое „Демократическое совещание", Ленин сначала выступает со статьей „О компромиссах". В последний раз он предлагает меньшевикам и эс-эрам порвать с буржуазией, отказаться от предательской политики и пойти на компромисс с рабочим классом против корниловцев. Но меньшевизм и эс-эровство сгнили в сердцевине своей. Они уже продали душу черту. Они не могли уже принять предложение Ленина.

Убедившись в этом, Ленин из своего финляндского изгнания пишет письмо Ц. Комитету нашей партии и в этом письме говорит: довольно тянуть канитель, надо окружить Александринку („Демократическое совещание" заседало в Александринском театре), разогнать всю эту шваль и взять власть в свои руки".

Наш Ц. К. не согласился тогда с тов. Лениным. Почти всем нам казалось, что еще рано, что меньшевики и эс-эры

имеют еще довольно много сторонников. Тогда Ленин не долго думая, бросает свое убежище и „самочинно", не считаясь с опасениями друзей, приезжает из Финляндии в Питер, чтобы проповедывать немедленное восстание. Керенский и Авксентьев пишут приказы за приказами об аресте Ленина. А Ленин из подполья готовит восстание, убеждает сомневающихся, бичует колеблющихся, пишет и агитирует за самое скорое выступление. И—добивается своего.

Теперь-то уж каждому ясно: тов. Ленин был прав. Дело висело тогда на волоске. Не возьми мы власти в октябре, нас раздавили бы Савинков и Пальчинский в ноябре. История поставила вопрос недвусмысленно: либо они нас, либо мы их, либо диктатура обезумевшей от страха и остервеневшей от ненависти к рабочим буржуазии, либо диктатура пролетариата, беспощадно сметающего буржуазию.

Теперь все это ясно. Но тогда в водовороте событий нужен был ленинский глазомер, нужна была ленинская гениальная интуиция, чтобы сказать: ни одной недели больше—сейчас или никогда! И нужна была нестибаемая ленинская сила воли, чтобы победить все препятствия и начать как раз к сроку величайший из переворотов, которые знает история.

И не в том дело, чтобы тов. Ленин не понимал, какие громадные трудности возникнут перед рабочим классом после завоевания власти. Ленин превосходно это понимал. С первых дней своего приезда в Питер он тщательно следил за экономической разрухой. Он дорожил знакомством с каждым банковским служащим, стремясь вникнуть во все детали банковского дела. Он знал хорошо о продовольственных и иных трудностях. В одной из своих самых замечательных работ, в книжке „Удержат ли большевики государственную власть", тов. Ленин подробно останавливался на этих трудностях. Правда, трудности оказались еще большие, чем думал Ленин. Но другого пути, кроме октябрьского, все же не было дано рабочему классу.

И в вопросе о национализации банков, и в области нашей продовольственной политики, и в военном вопросе решающее слово сказал Ленин. Он один во всей конкретности раз-

рабатывал план практических мероприятий во всех этих областях еще за долго до 25 октября. Ясность, четкость, конкретность плана—главная черта во всей работе Ленина.

И он же один все эти отдельные мероприятия блестяще обобщил в его—на мой взгляд, самой важной после „Капитала"—работе „Учение о государстве". Советское государство нашло в Ленине не только своего главного политического вождя, практика, организатора, пламенного пропогандиста, певца и поэта, но и своего главного теоретика, своего Карла Маркса.

Октябрьская революция,—поскольку и в революции не только можно, но и должно говорить о роли личности, —октябрьская революция и роль в ней нашей партии есть на девять десятых дело рук тов. Ленина. Если кто-либо смог заставить колеблющихся встать в ряды и шеренгу—это был тов. Ленин.

Скажу о себе, что если я в своей жизни буду в чем либо раскаиваться, то не в том, что я в течение 15 лет своей работы шел под руководством тов. Ленина, а буду жалеть о тех нескольких октябрьских днях, когда мне казалось, что Ленин торопится, форсирует события, совершает ошибку, и мне придется выступить против него.

Теперь ясно, как дважды два четыре, что если бы рабочий класс под руководством тов. Ленина не взял в то время власть в свои руки, то через несколько недель мы имели бы диктатуру самой остервенелой буржуазной сволочи. Теперь известно, что к моменту учредительного собрания решено было вырезать нас, и если бы у господ генералов было побольше солдат, они бы это сделали. Даже после 25 октября правые эс-эры к моменту учредилки хотели нас вырезать. Правый эсэр Маслов вербовал для этого солдат. Но он, по его недавнему собственнмоу признанию, набрал всего пять тысяч, да и то сомнительных бойцов. Руки оказались коротки.

Тов. Ленин учел момент превосходно. Он не хотел тянуть дальше ни одной недели и он сумел поставить вопрос ребром. Открыто за своей подписью в легальной газете он пишет ста-

тью за статьей, прямо призывая к вооруженному восстанию и прямо назначая его завтра или послезавтра. И все это тов. Ленин делает тогда, когда Керенский стоит еще у власти, и многим кажется, что он еще силен. Ленин бросает вызов всей буржуазии и всем соглашателям и говорит им: „завтра мы скинем вашу власть". И всякий знает: в устах Ленина это не пустая угроза. За словами последует дело... Это мог сделать только Ленин...

Г. Зиновьев.

Кризис назрел.

(Письмо в П. К. и М. К. Р. С.-Д. Р. П. б-ков.).

Дорогие товарищи!

События так ясно предписывают нам нашу задачу, что промедление становится положительно преступлением.

Аграрное движение растет, правительство усиливает дикие репрессии. В войске симпатии к нам растут.

В Германии начало революции явное, особенно после расстрела матросов. Выборы в Москве—47% б-ков — гигантская победа. С левыми с.-р. явное большинство в стране.

Железнодорожные и почтовые служащие в конфликте с правительством. Либерданы*) вместо с'езда на 20-е октября говорят уже о с'езде в 20-х числах и т. д. и т. д.

При таких условиях «ждать» — преступление.

Большевики не в праве ждать с'езда Советов, они должны взять власть тотчас. Этим они спасают и всемирную революцию (ибо иначе грозит сделка империалистов всех стран, кои после расстрелов в Германии**) будут покладисты друг к другу и против нас об'единятся), и русскую революцию (иначе война настоящей анархии может стать сильнее, чем мы), и жизнь сотни тысяч людей на войне.

---

*) Вожди меньшевиков. Кличка, установившаяся за Либером и Даном и их сторонниками.

**) Восстание матросов в германском военном порте Киле в сентябре 1917 года, окончившееся кровавым усмирением.

Медлить—преступление. Ждать с'езда Советов — ребяческая игра в формальность, предательство революции.

Если нельзя взять власти без восстания, надо итти на восстание тотчас. Очень может быт, что именно теперь можно взять власть без восстания: например, если бы московский Совет сразу тотчас взял власть и об'явил себя (вместе с питерским советом) правительством. В Москве победа обеспечена и воевать некому. В Питере можно выждать. Правительству нечего делать и нет спасения, оно сдастся.

Ибо Московский Совет, взяв власть, банки, фабрики, «Русское Слово», получает гигантскую базу и силу,—агитируя перед всей Россией, ставя вопрос так: мир мы предложим завтра, если бонапартист Керенский сдастся (а если не сдастся, то мы его свергнем). Землю крестьянам тотчас. уступки железнодорожникам и почтовым служащим—тотчас и т. д.

Не обязательно «начать» с Питера. Если Москва «начнет» бескровно, ее поддержат наверняка: 1) армия на фронте сочувствием, 2) крестьяне везде, 3) флот и финские войска идут на Питер.

Если даже у Керенского есть под Питером 1—2 корпуса конных войск, он вынужден сдаться. Питерский Совет может выждать, агитируя за московское Советское правительство. Лозунг: власть Советам, земля крестьянам, мир народам, хлеб голодным.

Победа обеспечена, и на 9/10 шансы, что бескровно.

Ждать—преступление перед революцией.

Привет **Н. Ленин.**

Советы постороннего.

Я пишу эти строки 8 октября и мало надеюсь, чтобы они уже 9-го были в руках питерских товарищей. Возможно, что они опоздают, ибо с'езд северных Советов назначен на 10 октября. Но все-таки я попытаюсь выступить со своими советами постороннего на тот случай, что верятное выступление рабо-

чих и солдат Питера и всей „округи“ состоится вскоре, но но еще не состоялась.

Что вся власть должна перейти к Советам, это ясно. Так же бесспорно должно быть для всякаго большевика, что революционно-пролетарской (или большевитской—это теперь одно и то же) власти обеспечено величайшее сочувствие и беззаветная поддержка всех трудящихся и эксплоатируемых во всем мире вообще, и воюющих странах в частности, среди русского крестьянства в особенности. На этих слишком общеизвестных и давно доказанных истинах не стоит останавливаться.

Остановиться надо на том, что едва ли вполне ясно всем товарищам, именно: что переход власти к Советам означает теперь на практике вооруженное восстание. Казалось бы, это очевидно, но не все в это вдумались и вдумываются. Отрекаться теперь от вооруженного восстания значило бы отречься от главного лозунга большевизма (вся власть Советам) и от всего революционно-пролетарского интернационализма вообще.

Но вооруженное восстание есть особый вид политической борьбы, подчиненный особым законам, в которые надо внимательно вдуматься. Замечательно рельефно выразил эту истину Карл Маркс, написавший, что вооруженное „восстание, как и война, есть искусство».

Из главных правил этого искусства Маркс выставил:

1) Никогда не играть с восстанием, а, начиная его знать твердо, что надо итти до конца.

2) Необходимо собрать большой перевес сил в решающем месте, в решающий момент, ибо иначе неприятель, обладающий лучшей подготовкой и организацией, уничтожит повстанцев.

3) Раз восстание начато, надо действовать с величайшей решительностью и непременно, безусловно переходить в наступление. „Оборона есть смерть вооруженного восстания“.

4) Надо стараться захватить врасплох неприятеля, уловить момент, пока его войска разбросаны.

5) Надо добиваться ежедневно хоть маленьких успехов

(можно сказать ежечасно, если дело идет об одном городе), поддерживая во что бы то ни стало „моральный перевес".

Маркс подытожил уроки всех революций относительно вооруженного восстания словами „величайшего в истории мастера революционной тактики—Дантона: смелость, смелость и еще раз смелость".

В применении к России и к октябрю 1917 года это значит: одновременное, возможно более внезапное и быстрое наступление на Питер, непременно и изнутри, и из рабочих кварталов, и из Финляндии, из Ревеля, из Кронштадта, наступление всего флота, скопление гигантского перевеса сил над 15—20 тыс. (а может и больше) нашей „буржуазной гвардии" (юнкеров), наших „вандейских войск" (часть казаков) и т. д.

Комбинировать наши 3 главные силы: флот, рабочих и войсковые части, так, чтобы непременно были заняты и ценой каких угодно потерь были удержаны: а) телефон; б) телеграф; в) жел.-дор. станции; г) мосты в первую голову.

Выделить самые решительные элементы (наших „ударников" и рабочую молодежь, а равно лучших матросов) в небольшие отряды для занятия ими всех важнейших пунктов и для участия их везде, во всех важных операциях, напр.:

Окружить и отрезать Питер, взять его комбинированной атакой флота, рабочих и войска,—такова задача, требующая искусства и тройной смелости.

Составить отряды наилучших рабочих с ружьями и бомбами для наступления и окружения „центров" врага (юнк. школы, телеграфа и телефона и прочее) с лозунгом: погибнуть всем, но не пропустить неприятеля.

Будем надеяться, что в случае, если выступление будет решено, руководители успешно применят великие заветы Дантона и Маркса.

Успех и русской и всемирной революции зависит от 2—3 дней борьбы.

Н. Ленин.

Вопрос о восстании.

Вопрос о восстании оживленно дебатировался в партийных кругах. Специально вопросу о восстании было посвящено заседание Центрального Комитета Р. С.-Д. Р. П. (б.). На этом заседании, которое состоялось 10 октября 1917 года, присутствовали: *Ленин*, Зиновьев, Каменев, Сталин, Троцкий, Свердлов, Урицкий, Дзержинский, Коллонтай, Бубнов, Сокольников, Ломов.

В порядке дня заседания среди других вопросов четвертым стоял текущий момент. Докладчиком по этому вопросу выступал т. Ленин. В подлиннике протокола этого заседания имя докладчика старательно вычеркнуто. Ленин констатировал, что с начала сентября замечается какое-то равнодушие к вопросу о восстании. Между тем, это недопустимо, если мы серьезно ставим лозунг о захвате Советами власти. Поэтому давно уже надо обратить внимание на техническую сторону вопроса. Теперь уже, повидимому, время значительно упущено, тем не менее вопрос стоит очень остро и решительный момент близок. Положение международное таково, что инициатива должна быть за нами. То, что затевается со сдачей до Нарвы и сдачей до Питера, еще больше вынуждает нас к решительным действиям. Политическое положение также внушительно действует в эту сторону. 3—5 июля решительные действия с нашей стороны разбились бы о то, что за нами не было большинства. С тех пор наш подъем идет гигантскими шагами. Абсентеизм и равнодушие масс об'яснить можно тем, что массы утомились от слов и резолюций. Большинство теперь за нами. Политически дело совершенно созрело для перехода власти. Аграрное движение также идет в эту сторону, ибо ясно, что нужны героические силы, чтобы притушить это движение. Лозунг перехода всей земли стал лозунгом крестьян. Политическая обстановка, таким образом, готова. Надо говорить о технической стороне. В этом все дело. Между тем, мы вслед за оборонцами склонны систематически подготовку восстания считать чем-то вроде политического греха. Ждать до Учреди-

тельного Собрания, которое явно будет не с нами, бессмысленно, ибо это значит усложнять нашу задачу".

Таким образом, в этой речи т. Ленин, исходя, как из международного, так и из русского движения, ставит вопрос чисто практически.

После небольших прений, ЦК по этому вопрос принял следующую резолюцию: „ЦК признает, что как международное положение русской революции (восстание во флоте в Германии как крайнее проявление наростания во всей Европе всемирной социалистической революции, затем угроза мира империалистов с целью удушения революции в России), так и военное положение (несомненное решение буржуазии и Керенского с К-о сдать Питер немцам) так и приобретение большинства пролетарской партии в советах, все это с связи с крестьянским восстанием и с поворотом народного доверия к нашей партии (выборы в Москве), наконец, ясное подготовление второй корниловщины (вывод войск из Питера, подвоз к Питеру казаков, окружение Москвы казаками и проч.), все это ставит на очередь дня вооруженное восстание. Признавая, таким образом, что вооруженное восстание неизбежно и вполне назрело, Ц. К. предлагает всем организациям партии руководствоваться этим, и с этой точки зрения обсуждать и разрешать все практические вопросы (С'езд Советов в Северной области, вывод войск из Питера, выступление москвичей и минчан и проч.)".

Переворот.

К концу «демократического совещания» был, по нашему настоянию, назначен срок второго С'езда Советов на 25 октября. При тех настроениях, какие нарастали с часу на час не только в рабочих кварталах, но и в казармах, нам казалось наиболее целесообразным сосредоточить внимание петербургского гарнизона на этой именно дате, как на том дне, когда С'ездом Советом должен будет решаться вопрос о власти, а

Общий вид Смольного, откуда шло руководство борьбы за пролетарскую революцию.

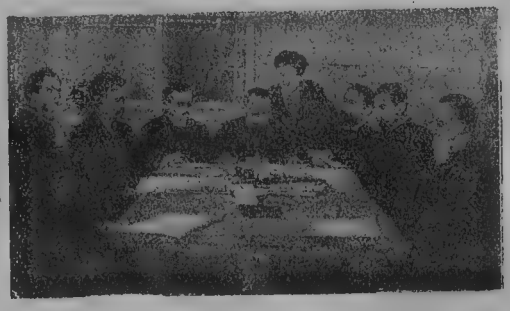
рабочие и войска должны будут поддержать С'езд, подготовившись как следует быть заранее. Стратегия наша по существу была наступательной: мы шли на штурм власти, но агитация была построена на том, что враги готовятся разогнать С'езд Советов и что нужно, стало быть, дать им беспощадный отпор. Весь этот план опирался на могущество революционного при-

лива, который стремился везде и всюду достигнуть одного и того же уровня, и не давал противнику ни отдыха, ни срока. Наиболее отсталые полки в худшем для нас случае сохраняли нейтралитет. При этих условиях малейший шаг правительства, направленный против Петроградского Совета, должен был нам сразу обеспечить решающий перевес. Ленин опасался, однако, что противник успеет подтянуть небольшие, но решительно настроенные контр-революционные войска и выступит первым, использовав оружие внезапности против нас. Захватив партию и Советы врасплох, арестовав руководящую головку в Петербурге, противник тем самым обезглавит движение, а затем постепенно и обессилит его. «Нельзя ждать, нельзя откладывать»!— твердил Ленин.

В этих условиях произошло, в конце сентября или в начале октября, знаменитое ночное заседание Центрального Комитета на квартире у Сухановых. Ленин явился туда с решимостью добиться на этот раз такого постановления, которое не оставляло бы места сомнениям, колебаниям, проволочкам, пассивности и выжидательности. Еще прежде, однако, чем напасть на противников восстания, он стал нажимать на тех, кто связывал восстание со вторым С'ездом Советов. Кто-то передал ему мои слова: „мы уже назначили восстание на 25 октября". Эту фразу я действительно повторял несколько раз против тех товарищей, которые намечали путь революции через предпарламент и „внушительную" большевистскую оппозицию в Учредительном Собрании. „Если большевитский в своем большинстве С'езд Советов,—говорил я,—не возьмет власти, то большевизм попросту выведет себя в расход. Тогда, по всей вероятности, не будет созвано и Учредительное Собрание. Созывая после всего, что было, С'езд Советов на 25 октября, с заранее обеспеченным нашим большинством, мы тем самым публично обязуемся взять власть не позже 25 октября".

Владимир Ильич стал жестоко придираться к этой дате. Вопрос о втором С'езде Советов, говорил он, его совершенно не интересует: какое это имеет значение? состоится ли еще самый С'езд? да и что он может сделать, если даже соберется? Нужно вырвать власть, не надо связываться со С'ездом

Советов, смешно и нелепо предупреждать врага о дне восстания. В лучшем случае 25 октября может стать маскировкой, но восстание необходимо устроить заранее и независимо от С'езда Советов. Партия должна захватить власть вооруженной рукой, а затем уже будет разговаривать о С'езде Советов. Нужно переходить к действию немедленно!



Члены Петроградского военно-революционного комитета в Октябрьские дни.

Как и в июльские дни, когда Ленин твердо ожидал, что „они" перестреляют нас, он и теперь продумывал за врага всю обстановку и приходил к выводу, что самым правильным, с точки зрения буржуазии, было бы захватить нас вооруженной рукой врасплох, дезорганизовать революцию и затем бить ее по частям. Как в июле, Ленин переоценивал проницательность и решительность врага, а может быть, уже и его материальные возможности. В значительной мере это была сознательная переоценка, тактически совершенно правильная: она имела своей задачей вызвать со стороны партии удвоенную энергию натиска. Но все же брать власть собственной рукою, независимо от Совета и за спиной его, партия не могла. Это было бы ошибкой. Последствия ее сказались бы даже на поведении рабочих и могли бы стать чрезвычайно тяжкими в отношении гарнизона. Солдаты знали совет депутатов, свою солдатскую секцию. Партию они знали через Совет. И если бы восстание совершилось за спиной Совета, вне связи с ним, не прикрытое его авторитетом, не вытекающее прямо и ясно для них из

исхода борьбы за власть Советов,—это могло бы вызвать опасное замешательство в горнизоне. Не нужно также забывать, что в Петербурге, на ряду с местным Советом, существовал

еще старый В. Ц. И. К., с эсерами и меньшевиками во главе. Этому В. Ц. И. К. можно было противопоставить только С'езд Советов.

В конце концов, в Центральном Комитете определились три группировки: противники захвата власти, оказавшиеся

вынужденными логикой положения отказаться от лозунга „власть Советам"; Ленин, требовавший немедленной организации восстания, независимо от Советов, и остальная группа, которая считала необходимым тесно связать восстание со вторым С'ездом Советов и тем самым придвинуть его к последнему во времени. „Во всяком случае,—настаивал Ленин,—захват власти должен предшествовать С'езду Советов, иначе вас разобьют и никакого С'езда вы не созовете". В конце концов, вынесена была резолюция в том смысле, что восстание должно произойти не позже 15 октября. Насчет самого срока споров, помнится, почти не было. Все понимали, что срок имеет лишь приблизительный, так сказать, ориентировочный характер и что, в зависимости от событий, можно будет несколько приблизить или несколько отдалить его. Но речь могла итти только о днях, не более. Самая необходимость срока, и притом ближайшего, была совершенно очевидна.

Главные прения на заседаниях Центрального Комитета шли, разумеется, по линии борьбы с той его частью, которая выступила против вооруженного восстания вообще. Я не берусь воспроизвести те три—четыре речи, которые произнес Ленин во время этого заседания на темы: нужно ли брать власть? пора ли брать власть? удержим ли власть если возьмем? На те же темы Лениным было написано и в то время и позже несколько брошюр и статей. Ход мыслей в речах на заседании был, разумеется, тот же. Но непередаваемым и невоспроизводимым остался общий дух этих напряженных и страстных импровизаций, проникнутых стремлением передать возражающим, колеблющимся, сомневающимся свою мысль, свою волю, свою уверенность, свое мужество. Ведь решался вопрос о судьбе революции!.. Заседание закончилось поздней ночью. Все себя чувствовали примерно так, как после перенесения хирургической операции. Часть участников заседания, и я в том числе, провели остаток ночи на квартире Сухановых.

Дальнейший ход событий, как известно, сильно помог нам. Попытка расформировать Петроградский гарнизон привела к созданию военно-революционного комитета. Мы получили воз-

можность подготовку восстания легализовать авторитетом Совета и тесно связать с вопросом, жизненно затрагивавшим весь петроградский гарнизон.

За время, отделяющее описанное выше заседание Ц. К. от 25 октября, я помню только одно свидание с Владимиром Ильичем, но и то смутно. Когда это было? Должно быть около 15—20 октября. Помню, что меня очень интересовало, как отнесся Ленин к „оборонительному" характеру моей речи на Заседании Петроградского Совета: я об'явил ложными слухи о том, будто мы готовим на 22 октября („День Петроградского Совета") вооруженное восстание, и предупредил, что на всякое нападение ответим решительным контр-ударом и доведем дело до конца. Помню, что настроение Владимира Ильича в это свидание было более спокойным и уверенным, я бы сказал, менее подозрительным. Он не только не возражал против внешне-оборонительного тона моей речи, но признал этот тон вполне пригодным для усыпления бдительности врага. Тем не менее, он покачивал время от времени головой и спрашивал: „а не предупредят ли они нас? не захватят ли врасплох?" Я доказывал, что дальше все пойдет почти автоматически. На этом свидании, или на известной части его, присутствовал т. Сталин. Может быть, впрочем, я соединяю здесь, воедино два заседания. Должен вообще сказать, что воспоминания относящиеся к последним дням, предшествовавшим перевороту, как бы спрессованы в памяти, и их очень трудно, отделять друг от друга, разворачивать и распределять по местам.

Следующее свидание мое с Лениным произошло уже в самый день 25 октября, в Смольном. В котором часу? Совершено не представляю себе; должно быть, к вечеру уже. Помню хорошо, что Владимир Ильич начал с тревожного вопроса по поводу тех переговоров, которые мы вели со штабом петроградского округа относительно дальнейшей судьбы гарнизона. В газетах сообщалось, что переговоры близятся к благополучному концу. „Идете на компромисс?—спрашивал Ленин, всверливаясь глазами. Я отвечал, что мы пустили в газеты успокоительное сообщение нарочно, что это лишь военна хитрость

в момент открытия генерального боя. „Вот это хо-ро-о-шо-о-о —нараспев, весело, с под'емом проговорил Ленин и стал шагать по комнате, возбужденно потирая руки. Это оч-чень хорошо!" Военную хитрость Ильич любил вообще. Обмануть врага, оставить его в дураках—разве это не самое разлюбезное дело! Но в данном случае хитрость имела совсем особое значение: она означала, что мы уже непосредственно вступили в полосу решающих действий. Я стал рассказывать, что военные операции зашли уже достаточно далеко и что мы владеем сейчас в городе рядом важных пунктов. Владимир Ильич увидел, или может-быть я показал ему, отпечатанный накануне плакат, угрожавший громилам, если бы они попытались воспользоваться моментом переворота, истреблением на месте. И первый момент Ленин как бы задумался, мне показалось—даже усумнился. Но затем сказал: „Пр-р-ра-вильно". Он с жадностью набрасывался на эти частички восстания. Они были для него бесспорным доказательством того, что на этот раз дело уже в полном ходу, что Рубикон перейден, что возврата и отступления нет. Помню, огромное впечатление произвело на Ленина сообщение о том, как я вызвал письменным приказом роту Павловского полка, чтобы обеспечить выход нашей партийной и советской газеты.

— И что ж, рота вышла?

— Вышла.

— Газеты набираются?

— Набираются.

Ленин был в восторге, выражавшемся в восклицаниях, смехе, потирании рук. Потом он стал молчаливее, подумал и сказал: „Что ж, можно и так. Лишь бы взять власть". Я понял, что он только в этот момент окончательно примирился с тем, что мы отказались от захвата власти путем конспиративного заговора. Он до последнего часа опасался, что враг пойдет на перерез и застигнет нас врасплох. Только теперь, вечером 25 октября, он успокоился и окончательно санкционировал тот путь, каким пошли события. Я сказал „успокоился",—но только для того, чтобы тут же прийти в беспокойство от целого ряда конкретных и конкретнейших вопросов и вопросиков,

связанных с дальнейшим ходом восстания: „А послушайте, не сделаете ли так-то? а не предпринять ли то-то? а не вызвать ли таких-то?“ Эти бесконечные вопросы и предложения внешним образом не были связаны друг с другом, но все вырастали из одной и той же напряженной, внутренней работы, охватывавшей сразу весь круг восстания.

Нужно уметь не захлебнуться в событиях революции. Когда прилив неизменно поднимается, когда силы восстания автоматически нарастают, а силы реакции фатально дробятся и распадаются, тогда велико искушение отдаться стихийному течению событий. Быстрый успех обезоруживает, как и поражение. Не терять из виду основной нити событий; после каждого успеха говорить себе: еще ничто не достигнуто, еще ничто не обеспечено; за пять минут до решающей победы вести дело с такою же бдительностью, энергией и с таким же напором, как за пять минут до открытия вооруженных действий; через пять минут после победы, еще прежде, чем отзвучали первые приветственные клики, сказать себе: завоевание еще не обеспечено, нельзя терять ни минуты,—таков подход, таков образ действий, таков метод Ленина, таково органическое существо его политического характера, его революционного духа.

Л. Троцкий.

Революция совершилась.

Речь, произнесенная В. И. Лениным на заседании Петросовета днем 26-го октября 1917 года.

Товарищи! Рабочая и крестьянская революция, о необходимости которой все время говорили большевики, совершилась.

Какое значение имеет эта рабочая и крестьянская революция? Прежде всего, значение этого переворота состоит в том, что у нас будет советское правительство, наш собственный орган власти, без какого бы то ни было участия буржуазии. Угнетенные массы сами создают власть. В корне будет разбит старый государственный аппарат и будет создан новый аппарат управления в лице советских организаций.

Отныне наступает новая полоса в истории России, и данная третья русская революция должна в своем конечном итоге привести к победе социализма.

Одной из очередных задач наших является немедленная ликвидация войны. Но для того, чтобы окончить эту войну, тесно связанную с нынешним капиталистическим строем, ясно всем, что для этого необходимо побороть самый капитал.

В этом деле нам поможет то всемирное рабочее движение, которое уже начинает развиваться в Италии, Англии и Германии.

Справедливый, немедленный мир, предложенный нами международной демократии, повсюду найдет горячий отклик в международных пролетарских массах. Для того, чтобы укрепить это доверие пролетариата, необходимо немедленно опубликовать все тайные договоры.

Внутри России громадная часть крестьянства сказала: довольно игры с капиталистами, мы пойдем с рабочими. Мы приобретаем доверие со стороны крестьян одним декретом, который уничтожит помещичью собственность. Крестьяне поймут, что только в союзе с рабочими спасение крестьянства. Мы учредим подлинный рабочий контроль над производством! Теперь мы научились работать дружно. Об этом свидетельствует только что происшедшая революция. У нас имеется та сила массовой организации, которая победит все и доведет пролетариат до мировой революции.

В России мы должны сейчас заняться постройкой пролетарского социалистического государства.

Да здравствует всемирная социалистическая революция!

Ленин—Председатель Совнаркома

24 октября, часов в 12 ночи, или же позднее, так как в бурные дни Октябрьского переворота время в счет не шло, многие из нас не спали в течение нескольких суток.

Центральный Комитет партии большевиков заседал в комнате № 36 в первом этаже Смольного. Посреди комнаты стол, вокруг несколько стульев, на полу сброшено чье-то пальто... В углу прямо на полу лежит тов. Берзин, Ян. Берзин, в то время член ЦК. Ему нездоровится. В комнате исключительно

члены ЦК, т.-е. Ленин, Сталин, Смилга, Каменев, Зиновьев, и я, остальные разошлись по домам.

Время от времени стук в дверь: поступают сообщения о ходе событий; вопрос еще не решен—на нашей ли стороне победа, или нет; но соотношение сил вполне определилось—пере-

Рабочая охрана у кабинета В. И. Ленина в Смольном.

вес на нашей стороне. Но как сложатся события? Что может произойти, какие ждут отдельные случайности, этого никто не знает.

Настроение у всех какое-то „обычное", делаем дело, как нужно делать. Дело интересное и нужное. Все несколько утом-

лены бессонными ночами, но напряжение нервов, важность совершающегося — все это делает незаметным утомленность, наоборот серьезные разговоры прерываются разными шутливыми замечаниями.

Идет обсуждение дальнейших планов действия. В один из перерывов я предложил составить список будущего правительства. Взял карандаш и клочок бумаги и сел за стол. Предложение некоторым показалось настолько преждевременным, что они отнеслись к нему, как к штуке. Но, в конце концов, все приняли участие.

И вот тут возник вопрос, как назвать новое правительство, его членов? „Временное правительство" всем показалось затасканным, и потом, самое слово „временное" отнюдь не отвечало нашим видам. Название членов партий „министрами" еще более отдавало бюрократической затхлостью. И вот тут Троцкий нашел то слово, на котором сразу все сошлись — „Народный Комиссар".

„Да это хорошо, — сейчас же подхватил тов. Ленин,— это пахнет революцией".

„А правительство назвать Совет Народных Комиссаров", подхватил Каменев. Мною было записано Совет Народных Комиссаров и затем приступили к поименному списку.

Так в комнате № 36 Смольного родилось новое рабочее правительство и новое название.

Милютин.

В решительный момент.

(В. И. Ленин в заседании Второго Всероссийского С'езда Советов).

Было только сорок минут девятого, когда гром аплодисментов возвестил появление президиума с Лениным,—великим Лениным,—среди членов его.

Невысокая, плотная фитура с большой лысой и выпуклой, головой, посаженной низко на плечах. Небольшие глаза, нос

„картошкой", широкий благородный рот и тяжелый подбородок; на-чисто выбритая, но уже начинающая щетиниться хорошо-памятная борода его недавнего прошлого и его будущего. Одет в небрежный костюм, с широкими длинными брюками. Не производящий такого впечатления, что он может быть кумиром толпы,—любимым и почитаемым так, как, быть может, мало кто в истории был любим и почитаем,—таков этот странный народный вождь,—вождь исключительно силой своего ума, бескрасочный, лишенный юмора, не умеющий вступать в соглашения, об'ективный, без каких бы то ни было живописных увлечений, но с огромной способностью в простых выражениях об'яснять глубокие идеи, определять создавшееся положение, а также наделенный, в соединении с большим даром тонкого дипломатничания, огромной смелостью ума...

Каменев читал отчет о действиях Военно-Революционного Комитета:

„Уничтожение смертной казни в армии, установление свободного права пропаганды, освобождение офицеров и солдат, арестованных за политические преступления. Издан приказ об аресте Керенского и конфискации продовольственных запасов в частных складах (громовые аплодисменты)".

Затем выступил представитель Бунда.

— Нежелание большевиков пойти на соглашение может означать разгром революции, поэтому делегаты Бунда должны отказаться от дальнейшего участия в работах С'езда.

Собрание отвечало ему криками:

— А мы думали, что вы ушли прошлой ночью! Сколько раз вы еще будете уходить?!

Затем выступил представитель меньшевиков интернационалистов, приветствуемый криками:

— Что?! вы еще здесь?!

Оратор об'яснил, что только часть меньшевиков-интернационалистов покинула С'езд. Остальные продолжают оставаться.

— Мы считаем опасным, быть может даже убийственным для революции передачу власти Советам, но мы чувствуем что наш долг оставаться на С'езде и вотировать против передачи здесь.

За ним выступили другие ораторы,—видимо, безо всякого порядка. Делегат от горнорабочих Донецкого бассейна приглашал С'езд принять меры против Каледина, который мог отрезать уголь и продовольственные припасы от столицы. Много солдат, только что прибывших с фронта, доводили до сведения С'езда полные энтузиазма приветствия от своих полков.

Октябрьские дни. Осада Зимнего дворца.

А затем выступил Ленин. Крепко держась за края пюпитра и своими небольшими глазами осматривая толпу, он стоял здесь в ожидании, не обращая, очевидно, внимания на непрекращающиеся овации, длившиеся много минут. Когда овации кончились, он просто сказал:

— Мы теперь приступаем к строительству социалистического порядка.

И фразу эту опять приветствовал нечеловеческий рев.

— В первую голову должны быть приняты практические меры по заключению мира... Мы должны предложить мир народам всех воюющих стран на основании советских условий,— без аннексий, без контрибуций, с правом самоопределения народов. В то же время, согласно нашим обещаниям, мы должны опубликовать и отказаться соблюдать тайные договоры... Вопрос о войне и мире так ясен, что, я полагаю, можно без дальнейших предисловий прочитать проект прокламации к народам всех воюющих стран.

Его большой рот, казавшийся улыбавшимся, широко открывался, когда он говорил. В его голосе была сиплость,—не неприятная, а как будто от многолетней ораторской практики,—и он звучал так ровно, что создавалось впечатление, будто он мог звучать без конца... Чтобы подчеркнуть фразу, он слегка склонялся вперед. Он никогда не пускал в ход жестикуляцию.

А перед ним, обращенные к нему, тысячи простых лиц глядели вверх с любовью и преклонением...

Обращение к народам и правительствам всех воюющих стран.

„Рабоче-Крестьянское Правительство, созданное революцией 24—25 октября, опирающееся на Советы Рабочих, Солдатских Депутатов, предлагает всем воюющим народам и их правительствам начать немедленно переговоры о заключении справедливого демократического мира.

Справедливым или демократическим миром, которого жаждет подавляющее большинство истощенных войной рабочих и трудящихся классов всех воюющих стран,—миром, которого самым определенным и настойчивым образом требовали русские рабочие и крестьяне после свержения царской монархии,—таким миром правительство считает немедленный мир без аннексий (т. е. без захвата чужих земель, без насильственного присоединения чужих народностей) и без контрибуций.

Такой мир предлагает правительство России заключить всем воюющим народам немедленно, выражая готовность сделать без малейшей оттяжки, тотчас же, решительные шаги, впредь до окончательного утверждения всех условий такого мира полномочными собраниями народных представителей всех стран и всех наций.

Под аннексией или захватом чужих земель правительство понимает, сообразно правовому сознанию демократии вообще и трудящихся классов в особенности, всякое присоединение к большому и сильному государству малой или слабой народности, без точно, ясно и добровольно выраженного согласия и желания этой народности, независимо от того, когда это на-

сильственное присоединение совершено, независимо также от того, насколько развитой или отсталой является насильственно удерживаемая в границах данного государства нация. Независимо, наконец, от того, в Европе или в далеких заокеанских странах эта нация живет.

Если какая бы то ни было нация удерживается в границах данного государства насилием, если ей, вопреки выраженному с ее стороны желанию,—все равно, выражено ли это желание в печати, в народных собраниях, в решениях партий или в возмущениях и восстаниях против национального гнета,—не представляют права свободным голосованием, при полном выводе войска присоединяющей или вообще более сильной нации, решить без малейшего принуждения вопрос о формах государственного существования этой нации,—то присоединение ее является аннексией, т. е. захватом и насилием.

Продолжать эту войну из-за того, как разделить между сильными и богатыми нациями захваченные ими слабые народности, правительство считает величайшим преступлением против человечества и торжественно заявляет свою решимость немедленно подписать условия мира, прекращающего эту войну на указанных, равно справедливых для всех без изъятия народностей, условиях.

Вместе с тем правительство заявляет, что оно отнюдь не считает вышеуказанных условий мира ультимативными, т. е. соглашается рассмотреть и всякие другие условия мира, настаивая лишь на возможно более быстром обсуждении их какой бы то ни было воюющей страной и на полнейшей ясности, на безусловном исключении всякой двусмысленности и всякой тайны при предложении условий мира.

Тайную дипломатию правительство отменяет, с своей стороны, выражая твердое намерение вести все переговоры совершенно открыто перед всем народом, приступая немедленно к полному опубликованию тайных договоров, подтвержденных или заключенных правительством помещиков и капиталистов с февраля по 25 октября 1917 г. Все содержание этих тайных договоров, поскольку оно направлено, как это в большинстве слу-

чаев бывает, к доставлению выгод и привилегий русским помещикам и капиталистам, к удержанию или увеличению аннексий великоросов, правительство об'является безусловно и немедленно отмененным.

Обращаясь с предложением к правительствам и народам всех стран начать открытые переговоры о заключени мира, правительство выражает, с своей стороны, готовность вести эти переговоры, как посредством письменных сношений по телеграфу, так и путем переговоров между представителями разных стран или на конференции таковых представителей. Для облегчения таковых переговоров правительство назначает своего полномочного представителя в нейтральные страны.

Правительство предлагает всем правительствам и народам всех воюющих стран немедлено заключить перемирие, причем, с своей стороны, считает желательным, чтобы это перемирие было заключено не менее, как на три месяца, т. е. на такой срок, в течение которого вполне возможны как завершение переговоров о мире с участием представителей всех без из'ятия народностей или наций, втянутых в войну или вынужденных к участию в ней, так равно и созыв полномочных собраний народных представителей всех стран для окончательного утверждения условий мира.

Обращаясь с этим предложением мира к правительствам и народам всех воюющих стран, Временное Рабочее и Крестьянское Правительство России обращается также в особенности к сознательным рабочим трех самых передовых наций человечества и самых крупных участвующих в настоящей войне государств—Англии, Франции и Германии. Рабочие этих стран оказали наибольшие услуги делу прогресса и социализма. Великие образцы чартитского движения в Англии, ряд революций, имевших всемирно-исторические значение, совершенных французским пролетариатом, наконец, в геройской борьбе против исключительного закона в Германии и образцовая для рабочих всего мира длительная, упорная дисциплинированная работа создания массовых пролетарских организаций Германии—все эти образцы пролетарского героизма и исторического творче-

ства служат нам порукой за то, что рабочие названных стран поймут лежащие на них теперь задачи освобождения человечества от ужасов войны и ее последствий, что эти рабочие всесторонней, решительной и беззаветно энергичной деятельностью своей помогут нам успешно довести до конца дело мира и, вместе с тем, дело освобождения трудящихся и эксплоатируемых масс населения от всякого рабства и всякой эксплоатации".

Когда гром аплодисментов стих, Ленин снова заговорил:

„Мы предлагаем С'езду утвердить эту декларацию. Мы обращаемся сами к правительствам в той же мере, как и к народам, ибо обращения, которые были бы направлены только к народам воюющих стран могли бы задержать заключение мира".

„Условия мира, намеченные во время перемирия, будут утверждены учердительным собранием. Устанавливая продолжительное перемирие в три месяца, мы желаем дать народам возможно более длительный отдых после кровавого самоуничтожения и достаточно времени для избрания своих представителей. Это предлождние мира будет встречено сопротивлением со стороны империалистических правительств. Мы не обманываем себя в этом отношении, но мы надеемся, что революция восторжествует скоро во всех воюющих странах. Вот почему мы обращаемся особенно к рабочим Франции, Англии и Германии".

„Революция 24 и 25 октября открыла эру социальной революции... Рабочее движение, во имя мира и социализма, победит и выполнит свое назначение"...

Во всем этом было что-то спокойное и манящее, что глубоко западало в душу людей. Легко было понять почему люди верили, когда Ленин говорил...

Позже выступали на гребне поднимающейся волны энтузиазма в защиту декларации украинские социал-демократы, польские социалисты, но с оговоркой в пользу социалистической коалиции, латышские социал-демократы... Что-то было пробуждено в этих людях.

Один из них гововил о грядущей мировой революции, авангардом которой являемся мы, другой говорил о новом веке братства, когда все народы станут одной большой семьей.

Один из участников С'езда от своего собственного имени потребовал слова:

— Есть здесь какое-то противоречие. Сначала вы предлагаете мир без аннексий и контрибуций, затем вы говорите, что вы обсудите все предложения мира. Обсудить—значит принять...

Ленин моментально оказался на ногах...

— Мы желаем справедливого мира, но мы не боимся революционной войны. Вероятнее всего империалистические правительства не ответят на наше воззвание, но мы не пошлем ультиматум, на который легко будет сказать «нет»... Если германский пролетариат ясно представит себе, что мы готовы обсудить все мирные предложения, это будет, вероятнее всего последней каплей, переполняющей чашу—революция вспыхнет в Германии.

— Мы согласны рассмотреть все мирные условия, но это вовсе не означает, что мы примем их... За некоторые из наших условий мы будем бороться до конца. Но, может быть, из-за других мы не найдем возможным продолжать войну. Прежде всего—мы желаем покончить с войной.

Было ровно 20 минут одинадцатого, когда Каменев предложил всем высказавшимся за обращение поднять свои карточки. Один делегат, было, поднял свою руку против, но внезапно резкий взрыв негодования вокруг него заставил и его быстро опустить руку.

Принято единогласно.

По общему импульсу мы все оказались на ногах, подхватив все вместе бодрящие звуки Интернационала. Седой, старый солдат плакал, как ребенок. Александра Коллонтай быстро моргала глазами, чтобы не расплакаться. Мощные звуки расплывались по залу, прорываясь сквозь окна и двери и вздымаясь к высокому небу.

— Война кончена,—сказал молодой рабочий рядом со мной, с осиянным лицом. И когда Интернационал закончился,

в то время, как мы стояли здесь в неловком молчании, кто-то прокричал позади:

— Товарищи, вспомните тех, кто погиб за свободу!

И мы начали петь похоронный марш, эту медленную, меланхоличную и все же победную песнь, столь русскую по духу и столь действующую на душу. Музыка похоронного марша, казалось, отражает душу тех темных масс, чьи представители сидели в этом зале, строя на основании своих неоформленных видений новую Россию, а, быть может, и больше. .

„Революция наступила не так, как, быть может, все ожидали, и не так, как ожидала этого интеллигенция... Наступила грубая, сильная, презрительно относящаяся к нежностям, нетерпеливо отбрасывающая прочь все рецепты, но реальная...

Ленин читал декрет о земле:

1. „Помещичья собственность на землю отменяется немедленно, без всякого выкупа.

2. Помещичьи имения, равно как и все земли удельные, монастырские, церковные, со всем живым и мертвым инвентарем, усадебными постройками и всеми принадлежностями, переходят в распоряжение волостных земельных комитетов и уездных Советов Крестьянских Депутатов, впредь до учредительного собрания.

3. Какая бы то ни было порча конфискуемого имущества, принадлежащего отныне всему народу, об'является тяжким преступлением, караемым революционным судом. Советы Крестьянских Депутатов принимают все необходимые меры для соблюдения строжайшего порядка при конфискации помещичьих имений, для определения того, до какого размера участки и какие именно подлежат конфискации, для составления точной описи конфискуемого имущества и для строжайшей революционной охраны всего переходящего к народу хозяйства на земле со всеми постройками, орудиями, скотом, запасами продуктов и пр.

4. Для руководства по осуществлению великих земельных преобразований, впредь до окончательного их решения учрдительным собранием, должен всюду служить Крестьянский На-

каз, составленный, на основании 242 местных крестьянских наказов, редакцией „Известий Всероссийского Совета Крестьянских Депутатов“ и опубликованный в № 88 этих „Известий“ (Петроград, № 88, 19 августа 1917 г.).

Все, содержащееся в этом наказе, как выражение безусловной воли огромного большинства сознательных крестьян всей России, об'является временным законом, который впредь до учредительного собрания проводится в жизнь по возможности немедленно, а в известных своих частях с той необходимой постепенностью, которая должна определяться Уездными Советами Крестьянских Депутатов.

Земля рядовых крестьян и рядовых казаков не отбирается,

— Это,—об'яснил Ленин, —не проект бывшего министра Чернова, который говорил о необходимости „выстроить леса“ и пытался сверху провести реформу. Снизу на местах будет разрешен вопрос о распределении земли. Количество земли, полученное каждым крестьянином, будет зависить от местности.

При Временном Правительстве помещики категорически отказывались повиноваться приказам земельных комитетов,—тех земельных комитетов, которые были проектированы Львовым, созданы Шингаревым и управлялись Керенским.

В октябрьские дни.

Банды Керенского стояли под Петроградом. Положение только что организовавшейся рабоче-крестьянской республики было критическое. Мы поставили под ружье, отправили на фронт все, что было способно стоять за дело республики, но развал в некоторых наших частях, недочеты командования и разрозненность в деле руководства операциями сводили на нет все наши усилия. Врагу ничего не стоило при нашей разобщенности и неналаженности командования раздавить нас самыми незначительнымл силами и на плечах наших отступающих войск ворваться в столицу. Командующий, тов. Антонов, утомленный, еле давал себе отчет о событиях.

В этот тяжелый момент на сцену выступил Ленин.

26 октября 1917 года мы приступили к сборке и отправке на фронт солдатских и красногвардейских полков. Смольный был буквально превращен в лагерь, где наспех формировались из присланных рабочих части. Тут же обмундировывались и вооружались, правильнее сказать, облачались в шинели, снаб-

Уличный бой.

жались патронташами, сумками, патронами. Многие из рабочих впервые становились в строй и брали ружье.

С фронта мы получали скудные вести. Было известно, что головной отряд тов. Чудновского не смог выполнить данную ему задачу.

Тов. Антонов отправился на фронт и возвратился подавленный беспорядком и неразберихой. Было собрано несколько наших большевистких офицеров и солдат, и мы принялись обсуждать наше весьма критическое положение. Для врага ничего не стоило при нашей разобщенности и неналаженности командования раздавить нас самыми незначительными силами и среди паники, которая была бы принесена отступившими отрядами, произвести в Петербурге контр-революционный переворот.

Ленин, с исключительным напряжением следивший за наступлением Керенского и за ходом восстания белогвардейцев, очевидно, самым реальным образом учел наше критическое положение на позициях. Неожиданно для нас он явился в штаб

округа со Сталиным и Троцким. Он вызвал меня, Антонова и Механошина и потребовал, чтобы мы сделали ему подробный доклад о положении дел, чтобы мы познакомили его с находящимися в нашем распоряжении силами, с силами противника и нашими оперативными планами.

На мой вопрос, что означает этот приезд—недоверие к нам или что другое, Ленин просто, но твердо ответил:

— Не недоверие, а просто правительство рабочих и крестьян желает знать, как действуют его военные власти.

Баррикады на улицах в октябре.

В этот момент я впервые почувствовал, что у нас диктатура, что у нас—сильная, твердая рабочая власть. Тут я понял, что я—ответственный перед рабочими и крестьянами агент власти, а не просто работник; что я сам, составляя частицу аппарата диктатуры, подчинен власти пролетариата в каждом шаге своем и несу величайшую ответственность перед общей диктатурой пролетариата в лице Совета Народных Комиссаров.

Тов. Антонов стал излагать общий план операций, указывая по карте расположение наших сил и вероятное расположение противника. Ленин впился в карту. С остротой самого

глубокого и внимательного оператора-стратега и полководца он затребовал об'яснений. почему этот пункт не охраняется, почему тот пункт не охраняется, почему предполагается тот шаг, а не иной, почему не вызвана поддержка Кронштадта, почему не разработана такая-то позиция, почему не закрыт такой-то проход.

Этот вдумчивый и строгий анализ показал нам, что мы, действительно, допустили целый ряд оплошностей, не проявили той чрезвычайной активности, которой требовал момент. Мы шли за массами, но ничего не сделали, чтобы быть их вождями и полководцами. Оставалось два выхода: или сказать Ленину, что мы все никуда не годны, не можем нести ответственности за операции, или кому-либо другому взять командование.

После краткого перерыва и обмена мнениями с товарищами по штабу я направился к Ленину и заявил, что берусь устранить тяжелое положение на фронте и надеюсь, что мне удастся собрать силы красного Петербурга.

Часов в двенадцать следующего дня Ленин явился ко мне в штаб и потребовал, чтобы ему поставили в моем кабинете стол, и заявил, что он хочет все время быть в курсе событий.

Сев на организационного конька, Ленин через каждые 5—10 минут присылал мне кого-нибудь на помощь: то по снабжению, то по мобилизации рабочих, то по подрядному делу, то летчика, то агитатора. Постепенно увлекаясь, он, сам того не замечая, выходил из моего кабинета, давая непосредственные распоряжения то одному, то другому товарищу.

Работа закипела, но Ленина это не удовлетворяло: ему казалось, что работа все еще идет медленно, нерешительно, не энергично, и он принялся сам вызывать в свой кабинет представителей организаций и заводов и информировался у них о состоянии вооружения рабочих, о технических средствах и о том, что можно, вообще, получить от них для обороны и чем их завод может быть для этого полезен.

Тут появились приказы путиловцам бронировать площадки паровозов, ставить имеющиеся на Путиловском заводе пушки,

вести на позиции блиндажи. Нарвскому району приказывалось реквизировать у извозчиков лошадей для отправки имевшихся на заводе сорока готовых пушек. По различным заводам, организациям были посланы комиссары, чтобы взять от них все, что потребно для обороны.

Я несколько раз в течение трех—пяти часов сцеплялся с Лениным, протестуя против его „рваческой" работы. Протесты мои как бы принимались, но через несколько минут забывались и игнорировались. В сущности создалось два штаба: в кабинете Ленина и в моем. В кабинете Ленина как бы походный, так как Ленин имел стол в моем кабинете. Но чем чаще Ленин посещал свой кабинет, куда беспрерывно вызывались по его приказу всевозможные работники, тем более распоряжения случайного характера превращались в непрерывную цепь. Правда, эти распоряжения не касались ни операций, ни воинских частей, а только мобилизации „всех и вся" для обороны. Но этот параллелизм работы страшно нервировал меня. Наконец, я резко и совершенно несправедливо потребовал, чтобы Ленин освободил меня от работы по командованию.

Ленин вскипел, как никогда:

„Я вас предам партийному суду, мы вас расстреляем. Приказываю продолжать работу и не мешать мне работать".

Только на следующий день оценил я все значение параллельной работы Ленина. Я особенно понял ценность ее после того, как проанализировал результаты созванного им совещания из представителей рабочих организаций, районных советов, фабрично-заводских комитетов, профессиональных союзов и воинских частей. На этом совещании он приказал быть и мне.

Здесь я понял, в чем заключается сила Ленина: в чрезвычайный момент он доводил концентрацию мысли, сил и средств до крайних пределов. Мы разбрасывались, собирали и бросали силы случайно, непланомерно, благодаря чему получалась расплывчатость действий, а отсюда—расплывчатость и в настроении масс и отсутствие активности, инициативы и решимости.

И. Подвойский.

Разговор Ленина с Кронштадтом по прямому проводу в октябрьские дни.

Сейчас к аппарату подойдет один из членов правительства Обождите.

— Какой вы партии, и являетесь ли представителем матросских и солдатских частей?

—Я социалист-революционер, интернационалист и другой со мной товарищ—большевик.

— С вами хочет говорить Ленин от имени революционного правительства.

— Просим, что имеет передать.

РАЗГОВОР ЛЕНИНА.

Ленин. „Можете ли вы говорить от имени областного комитета армии и флота?

— Конечно, могу,

Ленин. Можете ли вы немедленно двинуть к Петрограду большое число миноносцев и других вооруженных судов?

— Сейчас позовем председателя Центробалта, так как дело чисто морского характера.

— Что у вас нового о Петрограде?

Ленин. Есть известия, что войска Керенского подошли и взяли Гатчину, и так как часть петроградских войск утомлена, то настоятельно необходимо самое быстрое и сильное подкрепление.

— И еще что?

Ленин. Вместо вопроса „еще что“ я ожидал заявления о готовности двинуться и сражаться.

— Да это, кажется, повторять не надо; мы заявили о своем решении; следовательно, все будет сделано на деле.

Ленин. Имеются ли у вас запасы винтовок и пулеметы и в каком количестве?

— Здесь председатель областного комитета военного отдела т. Михайлов. Он вам скажет об армии Финляндии“.

РАЗГОВОР Т. МИХАЙЛОВА С ЛЕНИНЫМ.

— „Сколько вам нужно штыков?

— Ленин. Нам нужно максимум штыков, но только с людьми верными и готовыми сражаться. Сколько у вас таких людей?

— До пяти тысяч. Можно выслать экстренно, которые будут сражаться.

Ленин. Через сколько часов можно ручаться, что они будут в Питере при наибольшей быстроте отправки?

— Максимум двадцать четыре часа с данного времени.

Ленин. Сухим путем?

— Железной дорогой.

Ленин. А можете ли вы обеспечить их доставкою продовольствия?

— Да. Продовольствия много. Есть также пулеметы до 356; можем выслать с прислугой без ущерба для здешнего положения и небольшое число полевой артиллерии.

Ленин. Я прошу настоятельно от имени правительства Республики немедленно приступить к таковой отправке и прошу вас также ответить, знаете ли вы об образовании нового правительства, и как оно встречено Советами у вас.

— Пока только из газет. Власть, перешедшая в руки Советов, встречена с энтузиазмом.

Ленин. Итак, значит, сухопутные войска будут немедленно двинуты и для них обеспечен подвоз продовольствия?

— Да. Сейчас же примемся за отправку и снабдим продовольствием. Здесь у аппарата товарищ председателя Центробалта, так как т. Дыбенко выехал в Петроград сегодня в 10 ч. вечера".

„Ленин. Сколько можете вы послать миноносцев и других вооруженных судов?

— Можно послать линейный корабль „Республику" и два миноносца.

Ленин. Будут ли они точно также обеспечены продовольствием?

— Во флоте продовольствие есть, и они будут им снабжены. Все посланные миноносцы и линейный корабль — с уверенностью скажу, — выполнят свое дело защиты революции. В посылке вооруженной силы не сомневайтесь. Будет выполнено беспрекословно.

Ленин. Через сколько часов?

— Максимум через восемнадцать часов. Встречается ли необходимость сейчас послать?

Ленин. Да правительство абсолютно убеждено в необходимости послать немедленно с тем, чтобы линейный корабль вошел в Морской канал, как можно ближе к берегу.

— Так как линейный корабль представляет из себя крупное судно с двенадцатидюймовой артиллерией, то поэтому оно стать около берега не может, так как оно может быть захвачено голыми руками. А для выполнения этого служат миноносцы с мелкой артиллерией и пулеметами; что же касается линейного корабля, то он должен стоять, приблизительно, на рейде, или рядом с крейсером „Аврора", так как его артиллерия стреляет на двацать пять верст, — в общем это дело выполнят матросы с командным составом.

Ленин. Миноносцы должны войти в Неву около села Рыбацкого, чтобы защищать Николаевскую дорогу и все подступы к ней.

— Хорошо, будет все это выполнено. Что еще скажете?

Ленин. Есть ли радио-телеграф на „Республике", и может ли он сноситься с Питером во время пути?

— Не только на „Республике", но и на миноносцах, которые сносятся с Эйфелевой башней. В общем заверяем, что будет все выполнено хорошо.

Ленин. Итак, мы можем рассчитывать, что все названные суда двинутся немедленно?

— Да, можете. Сейчас будем отдавать срочные распоряжения, чтобы названным судам быть в срок в Петрограде.

Ленин. Есть ли у вас запасы винтовок с патронами? Посылайте как можно больше.

— Есть, но небольшое количество на судах; что есть— вышлем.

Ленин. До свиданья. Привет.

— До свиданья. Вы ли говорили? Скажите имя.

Ленин. Левин!

— До свиданья. Приступаем к исполнению."

Штурм неба.

Маркс когда то восторгался „безумством храбрых" парижан (коммунаров 1871 г.) готовых „штурмовать небо". По этому поводу Ильич в одной из своих статей 1908 г. замечает: „Как издевались бы люди над материалистом, экономистом, врагом утопий, который преклоняется перед „попыткою" штурмовать небо.

Самому Владимиру Ильичу— „материалисту и врагу утопий", трезвому практику и осторожному политику—более, чем кому бы то ни было другому, свойственны дерзкие замыслы относительно „штурмования неба".

Зашатался в феврале 1917 г. царский трон, и беспрепятственно покатилась в преисподнюю императорская корона. И вот—целая трагедия! Дело дошло до ликвидации векового проклятия русской живни, а он, неизменный вдохновитель революционной улицы, он—тот единственный, который в состоянии придать необходимый размах этой новой революционной судороге исстрадавшегося народа, он принужден быть простым зрителем развертывающихся на востоке Европы событий, наблюдая их из своего швейцарского далека. Нет, этого не должно быть!.. Какою угодно ценою,—хотя бы даже в качестве пленника, экспортируемого в запломбированном вагоне в Россию, а он, во что бы то ни стало, должен пробраться туда, где идет сейчас первый акт великой революционной драмы.

3-го апреля 1917 года Ильич, после долгих лет эмигрантского скитания по Европе, вернулся к себе «домой». С великой радостью под'езжал он к финляндской границе, хотя в душу

закрадывалось сомнение: как-то примет его совершившая, под предводительством буржуазии, февральскую революцию, та самая толпа, которая, вероятно, не освободилась еще от гипноза урапатриотической проповеди „войны до победного конца"? Быть может, встретит с гиканьем и свистом и своим стихийным порывом злобы сметет его с лица земли?.. Но страхи Вл. Ильича напрасны. Толпа рабочих ждет его приезда, как появления Мессии. Она будет кричать ему „осанна". Она с восторгом вынесет его на руках из вагона. Ведь, он для нее не таинственный незнакомец, а старый приятель Ильич, которого она уже привыкла ценить, как революционного вождя, как испытанного руководителя пролетариата.

Сейчас же по приезде в Россию Вл. Ильич опубликовал в „Правде" свои знаменитые „Тезисы", в которых дает лозунг русским рабочим не останавливаться на первом этапе революции, не вышедшей еще из обычных рамок буржуазных переворотов, а идти вперед, опережая парламентарные формы буржуазно-государственного строительства и держа курс на коммунистическую революцию.

«Вся власть Советам рабочих крестьянских и солдатских Депутатов»—подсказывает он массам ближайшую революционную цель, и этот призывной клич гулким эхом прокатывается по рабочим кварталам городов, достигая и солдатских окопов. Очередная задача революции—захват помещичьей земли и организация беднейших крестьян, — продолжает он бросать лозунг дня — на этот раз в крестьянские массы, — и деревня чутко настораживает уши.—Долой вону! Бросайте оружие, братайтесь с пролетариями, находящимися по ту сторону фронтовой границы! — раздается его смелый голос по всей тысячеверстной линии окопных позиций, сладко волнуя солдатскую душу.

Но и буржуазия не дремлет. Она заключила союз со всеми разновидностями социал-предательства, поманила вождей мещанского социализма запахом жареного, развернула перед ними приятные перспективы сидения на министерских креслах и решила после этого не церемониться с кучкою большевиков, которые-де портят им, господам Родзянко, Милюковым и Гучковым,

всю их «февральскую» музыку. Вакханалия июльских погромов 1917 г., имевших целью «ликвидировать» большевизм по всем правилам старого жандармского искусства, доказала воочию, что большевикам приходится делать выбор: или вести пролетариат на завоевание твердынь буржуазного строя, или открыть широкую дорогу для хозяйничанья в стране лакеев англо-французского империализма.

На время большевики должны были снова юркнуть в подполье. Дело привычное! Не впервой, ведь... И Владимир Ильич, в свою очередь, в течение 3—4 месяцев принужден прятаться от ищеек Керенского, посулившего тридцать серебренников тому, кто предаст в „законные" руки „мятежника и бунтовщика".

И вот, где-то „на берегу пустынных волн", на финляндской территории, скрывается в шалаше или в стоге сена тот, которому скоро придется призвать свою пролетарскую рать на „штурм неба". Быть может, когда-нибудь тов. Зиновьев, разделявший с ним в это время одиночество и положение травимого охотниками зверя, в подробном рассказе поведает нам, о чем мыслил в это время вслух Ильич, прячась от солнца или дождя в лесном шалаше, что делал, чем развлекался... А пока что нам приходится подхватывать налету лишь те отрывочные сведения об этом романтическом периоде жизни Ильича, которые случайно обронил тот или иной из товарищей, навещавших финляндских отшельников. Но и из того немногого, что нам успели рассказать товарищи об Ильиче—Робинзоне и т. Зиновьеве—Пятнице, мы знаем, что они не предавались горькому отчаянию, не высказывали желания повеситься от скуки и тоски на первой попавшейся осине, не падали духом, а терпеливо ждали перемены политической погоды в России. Впрочем, это не совсем точно. Ильич находился в состоянии не пассивного ожидания грядущих событий, а из своего шалаша или логова в стогу сена продолжал через своих товарищей, державших связь с ним, руководить делом подготовки петербургского пролетариата к восстанию.

Дерзкое это было дело—октябрьский переворот. Это была воистину „безумно-храбрая" попытка штурмовать небо. Не то было страшно, что затрещат вдруг пулеметы, заговорят пушки—

и на улицах Петербурга и других городов прольется кровь. Мало ли было кроваво-революционных страниц в жизни народов, да и сам Ильич не мог еще забыть дней боевого крещения пролетариата 12 лет тому назад в Питере, Москве, Одессе и других центрах рабочего движения в России. Но что действительно могло смутить даже самого решительного из большевиков, так это прыжок в неизвестное. Еще в истории не было, ведь, такого примера социальной революции в огромной стране, да еще при этом на 80% крестьянской, а в добавок ко всему прочему—ограбленной, обнищалой, отброшенной во время войны на несколько десятилетий назад. Выдержит ли она после переворота тот паралич в государственных аппаратах, который несомненно ожидает ее, как результат протеста и мести со стороны служилой интеллигенции в ответ на захват власти пролетариатом? Как справится с напором немецкого империализма? Как отобьется от щупальцев мирового капиталистического спрута? Переживет ли полосу белогвардейских наскоков, крестьянских волнений, не спасует ли перед призраком грядущей невиданной разрухи и всеобщего голода? Выживет ли при всех этих неслыханно-трудных, невиданно тяжких условиях перехода от старого к новому? Не обратится ли в „хаоса бытность довременну", в страну сплошного ужаса и анархии?

— Нет, не выдержим... Кишка тонка... Не нужно было и затевать...—опуская глаза в землю, мрачно ворчали некоторые из окружающих Ильича пессимистов.

— Или теперь, или никогда,—твердо отвечал на это Ильич.

Он „бешено" рвал и метал, наталкиваясь в кругу близких товарищей на голоса колеблющихся и склонных к отступлению. Он как бы в пророческом экстазе решительно утверждал: народная стихия за нас, и если мы не сдрейфим, то победим, возьмем власть в свои руки и затем, идя шаг за шагом, преодолеем все препятствия, лежащие у нас на пути.

И он дал знак пролетариату—„штурмовать небо".

И победил.

В одну из самых трудных минут для революции, когда капиталистическое окружение удавным кольцом сжало Советскую Россию, он, на одном из собраний, с большой, упрямой силой веры в революцию отчетливо сказал, а потом еще раз повторил (по адресу белогвардейцев и интервентов):

— Их карта будет бита!

И всякий, кто хоть немного знал Ильича, вздохнул после этого свободно и легко. Даже если *им* удастся подойти к кремлевским стенам, все равно их карта будет бита. Так, ведь, сам Ильич сказал.

Все было потом так, как то и нужно было предвидеть, глядя прямо в глаза действительности. Были и голод, и разруха, и отрицательная реакция на пролетарскую революцию со стороны крестьянской мелкобуржуазной стихии, и попытка со стороны мирового капитала раздавить русскую пролетарскую революцию... Но прошло уже более 6 лет после октябрьского переворота, а Советская республика не только не разложилась, не обратилась в колонию иностранного капитала и не стала ареной дикой анархии, но как раз наоборот—окрепла, собрала в единый союз все то, что не спешило под указкой буржуазии откатиться в сторону от нее, и теперь залечивает раны свои.

И трудно сказать, когда Ильич был более велик, как историческая импозантная фигура: тогда ли, когда вел революционные массы на штурм твердынь капитализма, на захват политической власти, или тогда, когда в послеоктябрьской трудной обстановке — в течение многих лет—с помощью коммунистической партии помогал пролетариату удерживать эту власть в своих руках и изживать мало—по малу „ужасы жизни". Велик, страшно огромен революционный гений В. Ильича, когда он творил октябрь, обнаружив сверхчеловеческую энергию железной воли, но разве менее велик этот гений и в тот момент, когда ему приходилось решать Брестскую проблему нашего „быть или не быть", или когда он круто повернул руль государственного корабля в сторону НЭП'а и т. д. и т. д.?

П. Лепешинский.

Великий стратег.

25 октября, выходя из Смольного я, столкнулся в дверях с бедно одетым рабочим в кепке. Я поднял на него глаза и остолбенел. „Это вы!“ воскликнул я. Ленин наскоро пожал мне руку, пришурил глаз и помчался на верхний этаж Смольного, где к тому времени заседал Военно-Революционный Комитет.

В этот период мне пришлось видеть очень часто Ильича: во время II С'езда Советов, заседаний фракций и т. д. Сейчас, когда восстанавливаешь в памяти то, что говорил в эти бурные дни Ильич, только отдаешь себе отчет в его исключительной и глубокой проницательности и ориентировочной способности. Известно, что одновременно с октябрьским восстанием внутри большевистской фракции образовалась группа, которая во что бы то ни стало хотела найти почву примирения между советскими партиями (от народных социалистов до большевиков). В этот период Ильич был совершенно неподражаем. Он не возражал против переговоров с «социалистическими» партиями, но он только требовал от делегатов Центрального Комитета, чтобы они не принимали никаких обязательств или решений без утверждения ЦК. На одном из заседаний, фракции, когда стал вопрос о переговорах, Ильич сказал: „Дипломатия—это та же война, но другими средствами; надо поэтому вести переговоры, пока не выяснились результаты нашей борьбы под Гатчиной“. Я помню, что на тех, кто в тот период действительно считал возможным соглашение с меньшевиками и эс-эрами на почве создания «социалистического правительства»,—эта фраза Ильича произвела удручающее впечатление. Помню я, как делегация, после двухдневных переговоров с эс-эрами и меньшевиками в министерстве путей сообщений (Фонтанка, 117), вернувшись, докладывала в Центральном Комитете (заседание происходило в нижнем этаже Смольного) результаты своих переговоров. Эс-эры и меньшевики были согласны на создание социалистического министерства при условии, если из его состава будут исключены Ленин и Троцкий. Когда Каменев излагал эти условия, Ильич ехидно улыбался и говорил: «Так, так!»

Его прищуренный глаз как-будто бы вопрошал делегатов: «Ну что, наговорились с меньшевиками и эс-эрами о социалистическому правительстве?» В тот период наиболее острой борьбы. он дни и ночи сидел в Смольном, непосредственно руководил, давал указания, подбадривал одних, заменял других, обрушиваясь всей силой своего темперамента и энергии на калеблющихся. Из нескольких его выступлений на фракционных заседаниях было видно, что он считает важнейшей задачей покончить с колебаниями, раздавить шатание, максимально сплотить и вдохнуть веру и энтузиазм в тех, кто крепко и сплоченной стеной шел за ним. Когда 26-го октября, утром, на фракции II С'езда Советов Ленин сделал он имени ЦК доклад о составе нового правительства, то первые слова: «Председатель Совета Народных Комиссаров—Владимир Ильич Ульянов-Ленин» произвели потрясающее впечатление на всю фракцию. Как то жутко стало; каждый понимал всю серьезность сделанного шага, причем ближайшее будущее представлялось пока еще в тумане. Когда 25 октября, ночью, во время осады Зимнего Дворца меньшевики и эс-эры начали выступать и делать истерические декларации, то большевистская фракция крайне нервно реагировала на это. Наиболее спокойным в это время был Ленин. Он слушал, не прерывая, ораторов и на его лице было написано: «Пусть болтают, лишь бы наши революционные солдаты и матросы действовали».

А. Лозовский.

Дело Ленина.

Конечно, не один тов. Ленин руководил октябрьским переворотом, но никто так ясно и отчетливо не представлял себе революцию, как Ленин в октябрьские дни...

Если восстание в октябре 1917 года победило, то оно победило потому, что Ленин сумел выбрать момент и собрать воедино силы, нужные для революции.

И первым же делом новой власти были декреты о земле и о мире.

Пройдут десятилетия; пройдут столетия; жизнь на земле изменится; исчезнут остатки капиталистического строя; преобразуется советское государство; отомрут, станут ненужными многие из существующих сейчас органов; многие из существующих сейчас законов. Народы научаться управлять собою, управлять народным хозяйством без того множества государственных учреждений, без государства, как учил тов. Ленин. Начнет отмирать, то-есть станет ненужным, как таковая, государственная власть. Но и через века нельзя будет читать без волнения повесть о тех великих героичееких днях, нельзя будет читать без глубокого волнения эти декреты о земле и мире.

Веками длилась борьба крестьян с помещиками, веками дворянство сидело на шее миллионов своих рабов. Взмах октябрьской революции—и не стало дворянского сословия. Империалистическая война сковала кровавым договором огромную массу людей. Казалось, нет силы бороться у народа с этой кровавой властью фронтов. Надо было сделать попытку. Каким радостным отзвуком прозвучали слова о мире в дни октября 1917 года, когда кровь и мозг человеческий мешались с грязью на равнинах Европы! Нам не удалось тогда остановить это кровавое безумие но нам удалось спасти от смерти сотни тысяч людей, умиравших во славу капитала. Это была первая пролетарская революция, и ее организатором, ее вдохновителем, ее вождем был Владимир Ильич Ленин.

Е. Ярославский.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. И. Сталин. О Ленине и ленинизме.
2. Е. Ярославский. Жизнь и работа В. И. Ленина.
4. Джон-Рид. 10 дней, которые потрясли мир.
4. Вяч. Молотов. Ленин и партия за время революции.
5. Л. Троцкий. О Ленине.
6. Г. Зиновьев. В. И. Ульянов-Ленин.
7. А. Лозовский. Великий стратег классовой борьбы.
8. Н. Ленин. (Ульянов) Избранные статьи и речи.
9. В. Крайний и М. Беспалов. Ленин.
10. Я. Бронан. Хрестоматия по Ленину.
11. Н. Ленин. Тактика большевизма.
12. П. Лепешинский. Жизненный путь Ильича.
13. Пионтковский. Хрестоматия по истории Октябрьской Революции.
14 Сборник „Об Ильиче".
15. Хрестоматия классовой борьбы, часть 3-ья.
16. Сборник „О Ленине".
17. Пионтковский. Материалы по истории Октябрьской Революции.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 3

ЛЕНИН и РЕВОЛЮЦИЯ:

Г. Циперович. Владимир Ильич Ленин 7
Ф. Светлов. На пути к октябрю 14
В. Молотов. Первый Ленинский урок 17
Н. Ленин. Апрельские тезисы 24
И. Сталин. Ленин и восстание 27
Н. Ленин. Уроки революции 28

ЛЕНИН В ПОДПОЛЬЕ:

С. Орджоникидзе. В июльские дни 31
Н. Емельянов. Таинственный шалаш 34
С. Орджоникидзе. В шалаше у Ленина 44
Ильича разыскивают 47
Партия защищает Ильича 48
Ю. Латука. В подполье в Финляндии 48
В. Невский. Две встречи 54

НАКАНУНЕ ОКТЯБРЯ:

В. Молотов. Ленин и партия накануне октября 61
Н. Ленин. Большевики должны взять власть 65
Г. Зиновьев. Ленин и завоевание власти 67
Н. Ленин. Кризис назрел 70
Н. Ленин. Советы постороннего 71
Вопрос о восстании . . . . . .

ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ:

роцкий. Переворот 79
енин. Революция совершилась 83
Ленин—Председатедь Совнаркома 84
В решительный момент 89
йский. Октябрьские дни 96
ина с Кронштадтом 100
ский. Штурм неба 103
. Великий стратег 108
й. Дело Ленина 109
фия 111

БИБЛИОТЕКА ИМЭЛ ПРИ Ц.К. В.К.П.(б)